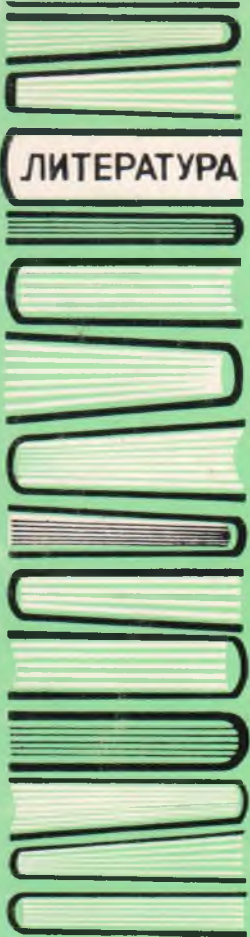

ИЕГУДА ГАЛЕВИ.

СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ

ЛИТЕРАТУРА

ИЕГУДА ГАЛЕВИ

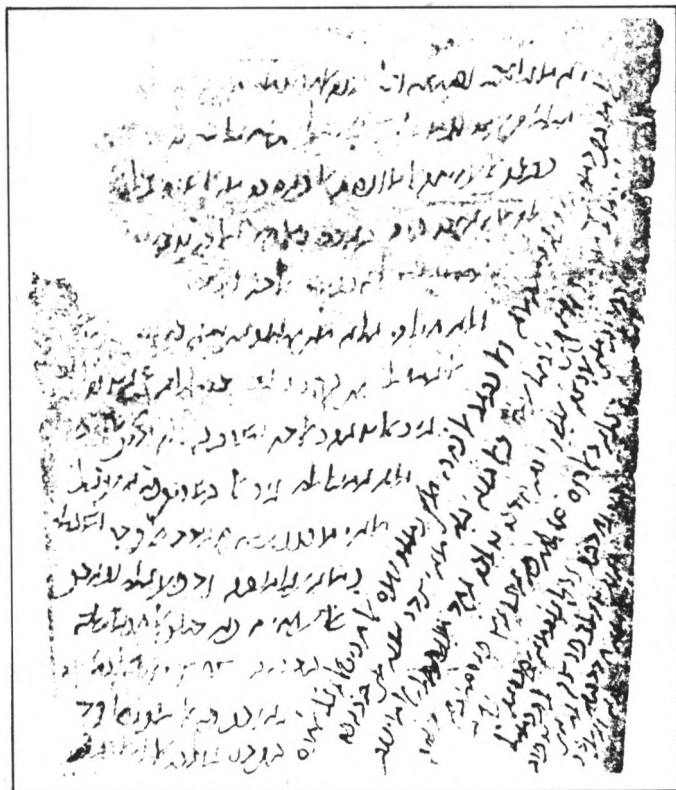
сердце мое на востоке

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

Иезуда Галези

СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ

**עבריה וצבי עופר
קבוץ יפעת**

Письмо Иегуды Галеви своему другу Халфону бар Натанлю Галеви в Египет, в котором великий поэт выражает свое страстное желание "возможно скорее прибыть на Восток" (то есть в Эрец-Исраэль).

ИЕГУДА ГАЛЕВИ

СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ

СТИХИ

(к 900-летию со дня рождения великого поэта)

БИБЛИОТЕКА - АЛИЯ
1976

Перевели с иврита

ЛЕВ ПЕНЬКОВСКИЙ и АНАТОЛИЙ ГАЗОВ-ГИНЗБЕРГ

Вступительная статья, общая редакция и комментарии

А. БЕЛОВА (ЭЛИНСОНА)

עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדטשיין - ספריה
מס. מלאי.....

415

©

ALL RIGHTS RESERVED

כל הזכויות שמורות
לספריה עליה

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

דכוס "קריב", תל-אביב

1976

OCR ДавидТитиевский май 2021 г., Хайфа

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Впервые на русском языке выходит сборник стихов величайшего еврейского поэта средневековья Иегуды Галеви.

Галеви – не только гениальный поэт, но и замечательный врач, выдающийся ученый и один из крупнейших философов иудаизма. Его книга "Ха-Кузари" (Книга хазара), в которой он излагает свое жизненное кредо и приводит свои доказательства истинности еврейской веры и ее превосходства над исламом и христианством, и по сей день является одним из самых значительных произведений еврейской теологии.

Творчество и личность Иегуды Галеви воплощают в себе основные элементы еврейского миропонимания, глубокую веру в избранность еврейского народа, в его грядущее избавление, и неугасимую любовь и преданность Сиону.

Страстная любовь поэта к стране предков нашла свое выражение не только в его знаменитом цикле стихов о Сионе, но и в предпринятой им попытке осуществить на деле свое стремление переселиться в Эрец-Исраэль.

Предлагаемый сборник стихов должен был выйти в Москве в 1969 году под названием "Стихотворения". Естественно, что в нем отсутствовали знаменитые "Сиониды" (кроме одной, которая была упрятана в разделе "Притчи мудрости и нравственности. Наставления душе"), а во вступительной статье, втиснутой в прокрустово ложе дозволенных идеологических ра

мок, очень приглушенно говорилось о мировоззрении, взглядах и личности поэта. Но этот стихотворный сборник так и не был издан в Советском Союзе.

Издательство "Библиотека-Алия" сочло возможным опубликовать вступительную статью А.Белова без существенных изменений, поскольку, помимо научно-информационного значения, она представляет собой своеобразный культурно-исторический документ, показывающий глубокий интерес евреев Советского Союза к литературному наследию своего народа и стремление еврейских литераторов, вопреки всем цензурным рогаткам, знакомить русскоязычного читателя с корифеями нашей национальной культуры. Сохранив в неприкосновенности весь состав сборника таким, как он сложился, издательство дополнило его лишь несколькими "сионидами" (без них облик великого поэта предстал бы перед читателем в обедненном виде) и заменило абстрактно-неопределенное и обезличенное название книги "Стихотворения" более конкретным и точным, заимствованным у самого поэта – "Сердце мое на Востоке".

”БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ ПОЭТ” ИЕГУДА ГАЛЕВИ

...Это произошло в девяностых годах XI века. В одном испанском городе за обильным пиршественным столом восседали любители изящной словесности — поэты, лингвисты, теологи, знатоки древних книг. В разгар оживленной беседы кто-то предложил провести литературную игру: сочинять стихи. В качестве образца для подражания все единодушно остановили свой выбор на известном стихотворении знаменитого Моше (Моисея) Ибн-Эзры ”Ночь размышлений...”. Задача сводилась к тому, чтобы воспроизвести метрический рисунок, рифмы и систему рифмовки оригинала при произвольном содержании. Иначе говоря, участники игры должны были прежде всего проявить свое версификаторское мастерство. При подведении итогов, однако, учитывалась не только поэтическая техника, но и образная сила стихов, оригинальность и глубина их содержания.

Увы, на сей раз литературная игра (своего рода буриме, трудности составления которого возведены в квадрат!) не удалась: уж слишком сложным оказался эталон. Стихотворение Ибн-Эзры — дружеское послание в честь ученого, поэта и философа Иосефа Ибн-Цадика — было написано в форме ”опоясанного” стиха, очень трудного для воспроизведения. Представьте себе современную песню с припевом. Так вот, если бы в этой песне слова припева каждый раз менялись (при неизменной рифме и неизменном метре), мы получили бы ”опоясанное” стихотворение. В данном конкретном

примере трудности усугублялись сложными рифмами и ритмами оригинала. И большинство участников состязания признало задачу невыполнимой после первой же, с большим трудом сочиненной, строфы. Остальные выбыли из игры, кое-как воспроизведя еще по одной строфе; и лишь один подросток, почти мальчик, не выпускал из рук пера. И когда он кончил и прочел свои стихи, раздались возгласы изумления: юноша не только безупречно справился со всеми трудностями версификации, но и создал оригинальное законченное произведение, которое можно было поставить в один ряд со стихами самого Моше Ибн-Эзры, еще при жизни ставшего классиком!

Иегуда Галеви — так звали юного победителя соревнования — по настоянию собравшихся отправил это стихотворение Ибн-Эзре, жившему в ту пору в Гранаде. В коротком письме он рассказал, при каких обстоятельствах стихи были сочинены. В ответ он получил взволнованное стихотворное послание, в котором маститый поэт восторгался его талантом и знаниями. "Как милый сын мой, столь молодой, смог погрузить горы мудрости на свои плечи?!" — риторически вопрошал Моше Ибн-Эзра, настойчиво предлагая начинающему поэту переехать в Гранаду и поселиться у него.

Стоит ли говорить, что столь лестное предложение было принято с благодарностью. С тех пор началось быстрое восхождение молодого поэта по ступенькам славы, которая спустя несколько лет затмила известность его наставника и покровителя. Это, однако, не помешало трогательной дружбе двух выдающихся еврейских поэтов, длившейся почти полвека, до самой смерти Ибн-Эзры.

Гранада слыла в ту пору мировым культурным центром, славилась своими дворцами и мечетями,

богатыми библиотеками и старинными учебными заведениями. Дом Моше Ибн-Эзры был широко открыт для поэтов, ученых, философов. Здесь не затихали споры вокруг литературных новинок, звучали новые стихи, горячо обсуждались злободневные вопросы культуры и политики. В этой атмосфере быстро созревал и шлифовался талант того, кто, по словам Генриха Гейне:

*...дивным был поэтом,
Был звездой своей эпохи,
Солнцем своего народа, –
И огромным, чудотворным
Огненным столпом искусства...**

Но чтобы понять и по достоинству оценить вклад Иегуды Галеви в еврейскую и мировую поэзию, необходимо хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать ту эпоху и коротко остановиться на особенностях еврейского средневекового стихосложения.

Феодальная Испания XI века состояла из ряда враждовавших между собой мусульманских и христианских государств. В культурном отношении испанские мавры-мусульмане стояли тогда на первом месте в Европе. Проявляя веротерпимость по отношению к христианскому населению и евреям, мавры за короткий срок добились больших успехов в земледелии, ремеслах и торговле, а также в архитектуре, поэзии, философии и естественных науках. Они ввели новые сельскохозяйственные культуры – рис, гранаты, сахарный тростник, покрыли поля густой сетью оросительных каналов, соорудили сотни прекрасных зданий в так называемом мавританском стиле. Арабский язык, который они принесли с собой в Испанию, получил широкое распространение не только на подвластных

* Г.Гейне. "Иегуда Бен Галеви" (перевод В.Левика).

им территориях, но и в соседних христианских странах. Международные политические и торговые договоры составлялись почти исключительно на арабском языке. Масса арабских слов и выражений вошла в формирующиеся тогда испанские наречия. Высокого уровня развития достигли арабская поэзия и лингвистика, история, философия и право, заимствовав очень многое из древнеримских, древнегреческих и византийских источников.

Веротерпимость мавров, предоставивших евреям значительные политические права, самоуправление и собственную юрисдикцию, привела к быстрому экономическому и культурному расцвету еврейских общин, с незапамятных времен поселившихся в Испании.

В Кордовском халифате постепенно установилось тесное и взаимовыгодное сотрудничество между арабами и евреями. Сохранилось множество примеров живого содружества между представителями этих двух народов.

Повседневное общение с маврами, а также родство языков – арабского и еврейского – создали почву для культурного сближения. Влияние высокоразвитой арабской культуры того времени на еврейскую оказалось чрезвычайно плодотворным во многих областях. Мы здесь остановимся только на поэзии. В течение столетий еврейская поэзия развивалась преимущественно в религиозном русле. На основе строгих правил сочинялись так называемые пиюты – стихи для богослужения и молитв. Сама мысль о том, чтобы на языке Библии сочинять светские стихи, считалась кощунственной. Писать же на иврите о любви, о природе, о радостях жизни значило в глазах многих осквернять святой язык.

И вот в Испании всего лишь за столетие до Иегуды Галеви под влиянием арабской поэзии и новых усло-

вий жизни произошло то, что справедливо расценивается как подлинная революция в еврейской литературе — секуляризация поэзии, возрождение поэзии светской и гражданской. Мало того — с легкой руки поэта-реформатора Дунаша Бен-Лабрата (920—990), приехавшего в Испанию из Багдада, в еврейской поэзии прочно утвердилась слегка видоизмененная арабская система стихосложения, отличная от библейской (в ней, в частности, рифма носит случайный характер, метр довольно гибкий, длинные и короткие строки чередуются нередко произвольно и т.п.), что в глазах многих было не меньшим кощунством, чем культивирование светской поэзии.

Эти новшества привились и получили права гражданства в результате ожесточенной борьбы, принимавшей подчас острые, драматические формы. На голову поэтов-новаторов сыпались проклятия не только из уст фанатичных ревнителей старины — их нередко подвергали критике и передовые, просвещенные люди. О том, какого накала достигала эта борьба, свидетельствует, например, такой факт. Ожесточенная дискуссия между Дунашем Бен-Лабратом и приверженцем старой системы стихосложения поэтом и грамматиком Менахемом Ибн-Саруком (910—970) завершилась... разгромом дома последнего и заключением его в тюрьму. Такое сугубо административное решение литературного спора становится понятным, если учесть, что высшим судьей и вершителем судеб обоих поэтов был известный меценат Хисдай Ибн-Шапрут, занимавший при халифе высокий министерский пост. Poleмика, однако, на этом не закончилась; и даже из темницы, а потом, находясь в изгнании, опальный поэт продолжал посылать вельможе гневные стихотворные послания, упрекая его в несправедливости и самоуправстве...

На первый взгляд кажется странной и непонятной

ожесточенность споров вокруг проблем поэтической формы. Ведь основное новшество Дунаша Бен-Лабрата заключалось в переходе на арабскую метрическую систему стихосложения, построенную на своеобразном сочетании длинных и коротких слогов. Но не следует забывать, что под покровом академического спора о стихотворном метре лежали более глубокие причины разногласий: оставаться ли еврейской поэзии и дальше оторванной от жизни, придерживаясь старых форм, или приобщиться к высшим достижениям поэтической культуры, заимствуя новую форму стиха, а с ней — неизбежно! — и его образную систему, его тропы, частично даже содержание и тематику.

Еще долго длилась дискуссия между приверженцами двух поэтических школ, перекинувшись впоследствии и за пределы Испании. А между тем появлялись все новые поэты, быстро осваивавшие новации Дунаша Бен-Лабрата и на практике доказывающие их плодотворность. Они создавали прекрасные стихи — звучные, красивые, содержательные, намного превосходившие те, что писал сам основоположник новой системы (будучи сильным теоретиком и полемистом, он не отличался большим поэтическим дарованием). Читающей публике очень понравились эти стихи; новые по форме и содержанию, они повсеместно вызывали энтузиазм. И вот в Испании появляются поэты-профессионалы — то, чего никогда не знала ранее еврейская литература. Поэзия приобретает самодовлеющую ценность.

Так сама жизнь решила спор между приверженцами старого и нового в поэзии. Шмуэль (Самуил) Ганагид (992—1056) — поэт, ученый и государственный деятель — открывает своим творчеством так называемый "золотой век" еврейской поэзии, подготовив почву для таких блистательных и самобытных стихотворцев

XI—XII вв., как Шломо (Соломон) Ибн-Габироль, Моше Ибн-Эзра, Авраам Ибн-Эзра, Иегуда Альхаризи и многих других менее значительных, но весьма одаренных поэтов. И над всеми, подобно горной вершине, высится Абу Альхасан Иегуда бен Шмуэль Галеви (таково его полное имя) — "первый из поэтов", "гений", "Божией милостью поэт", по выражению Генриха Гейне.

Основы нового еврейского стихосложения, заимствованные Дунашем Бен-Лабратом у арабов, были теоретически обобщены на богатейшем материале Моше Ибн-Эзрой в его книге "Беседы и споры" об искусстве стихосложения. Эта книга была написана по-арабски, и лишь конкретные стихотворные примеры даны на иврите. Ибн-Эзра указывает, что версификация — "арабская наука", а еврейские поэты идут по стопам своих арабских коллег. Признавая, что "нельзя научить искусству стихосложения... если дух поэзии не владеет человеком и нет поэзии в его душе", он тем не менее считает чрезвычайно важным установление законов и правил версификации, иначе говоря — "учение о стихах", которое обязан знать каждый культурный человек.

Из различного сочетания длинных и коротких слогов по системе Дунаша Бен-Лабрата можно было получить по крайней мере 52 метрические комбинации, но из них на практике широко применялось не более двадцати. Каждый размер имел свое название, которое как бы подсказывало поэту, какой из них лучше подходит в данном конкретном случае. Вот условный перевод некоторых из этих названий: "радующий", "поспешный", "приближающийся", "длинный", "легкий", "отрывочный"... (вся терминология была также заимствована из арабской поэтики).

Основой стихотворения считалась короткая стро-

фа-дистих ("баит"), состоявшая чаще всего из двух равных половин и заключающая в себе законченную мысль. Строка, открывавшая строфу, называлась "дверью", а замыкавшая ее — "замком". Рифмовать полагалось между собой только "замки", причем преобладала однозвучная рифма-монорим. Наряду с этим употреблялись и другие системы рифмовки (например, в "опоясанных" стихах, о которых мы уже упоминали), подчас довольно сложные. Рифмы различались "проходящие", "подходящие", "прославленные". "Проходящие" не рекомендовались, по поводу их, с легкой руки Авраама Ибн-Эзры, бытовала даже шутливая поговорка: "не рифмуй вола с ослом" (вол на иврите "шор", а осел — "хамор"; такая рифма считалась бедной*). Зато высоко ценились богатые и точные "прославленные", а также "внутренние" рифмы, делавшие стих очень благозвучным.

В теории стихосложения важное значение имели понятия: "красота открытия", "красота заключения", "инкрустация", "уподобление" и "примыкание". Попробуем в самых общих чертах рассказать об этом.

Термин "красота открытия" относился к первой строфе. Она должна была отличаться особой яркостью и выразительностью, дабы сразу овладеть вниманием читателя, сразу заинтересовать его. "Красота заключения" имела в виду выразительность последних аккордов стиха, призванных закрепить мысль и настроение, ради которых поэт взялся за перо. "Инкрустация" обязывала стихотворца обильно уснащать свое произведение образами, мыслями и изречениями из Библии

* К тому же "не рифмуй" звучит на иврите почти так же, как "не паши" ("ал-тахароз" и "ал-тахарош"), что придает изречению еще большую выразительность и своеобразный подтекст: нельзя рифмовать "вола" с "ослом", как нельзя пахать на них в одной упряжке.

(а арабского поэта — из Корана) и из других древних книг. Но делалось это очень своеобразно и имеет мало общего с нашим цитированием. Современный автор, цитируя какой-либо источник, ссылается на него, оговаривает это, заключает цитату в кавычки, т.е. разными способами стремится отделить свой собственный текст от чужого. Искусство "инкрустации" заключалось в умении так сплавлять текст Библии с авторским текстом, что они образовывали нерасторжимое единство, нечто органически новое. Для этого поэт чаще всего использовал "осколки" и "обрывки" библейских фраз, иногда видоизмененных, умело вкрапливая их в свой текст. Эффект получался поразительный. Дело в том, что Библия в ту пору была у всех на устах, изучение ее начиналось в самом раннем возрасте, и достаточно было появиться в стихе знакомому библейскому словосочетанию, или даже двум—трем словам из него, как в воображении читателя вставала по ассоциации целая картина, рождалась цепь образов. Стихотворение приобретало особую насыщенность и емкость, второй и третий план, оригинальный подтекст. Вот небольшой пример.

В одном из своих посланий Моше Ибн-Эзре (написанном в ту пору, когда тот вынужден был скитаться на чужбине) Иегуда Галеви вопрошает: "Что росе Хермона (делать) на горах Гильбоа?" Дойдя до этой строки, читатель сразу вспоминал благодатную "росу Хермона" (Псалмы, 133:3), источники которого питают Иордан, и проклятие царя Давида горам Гильбоа: "Да не будет на вас ни росы, ни дождя, ни полей плодоносных..." (II кн. Самуила, 1:21), ибо там погибли царь Саул и его сын Ионатан. И картина вынужденного скитания Ибн-Эзры на чужбине, где не ценили его поэтического таланта, проявлялась с большей яркостью. Подобного рода "вкраплений" в стихах Иегуды

Галеви и других средневековых поэтов — тысячи. Постепенно в еврейской поэзии выкристаллизовался так называемый мусивно-мозаичный стиль, получивший широчайшее распространение не только в поэзии, но и в литературе и публицистике вообще.*

Искусство "уподобления" заключалось в широком использовании метафор и сравнений, а "примыкание" базировалось на применении омонимов — ими очень богат иврит — и схожих по звучанию слов (скажем, "стол", "стон", "стоп"), слов, в которых изменена одна гласная ("гром — грим"), слов, в которые входят одни и те же буквы, но в ином порядке ("зола — лоза"), слов, образуемых путем наращивания новых букв ("уда — руда — труда — Гертруда") и т.д. Причем, вся эта игра звуков обязательно должна была выполнять какую-то определенную художественную функцию (звукоподражание, противопоставление и т. п.).**

Детально было разработано учение о стилистических приемах для "украшения" стиха. Таких основных приемов было более двадцати, мы же упомянем лишь о некоторых: использование иносказаний, многозначительные намеки, гиперболы, параллелизмы, противопоставления, повторения (в частности, одного и того же слова в начале и в конце строки) и многое другое.

Знакомясь с представленными в данном сборнике

* В силу этого, издавая сейчас на иврите книги средневековых поэтов, их оснащают множеством примечаний со ссылками на первоисточники, ибо от современного читателя нельзя требовать такого знания Библии, какое было обязательным для всех в эпоху Иегуды Галеви. Ряд аналогичных ссылок читатель найдет и в комментариях к данному изданию, но это лишь малая часть тех скрытых и явных библейских цитат, которые содержатся в оригинале. В мусивно-мозаичном стиле — основная трудность перевода средневековой поэзии на другие языки. Это — камень преткновения для всех переводчиков.

** Для наглядности все примеры даны на русском языке.

переводами, читатель должен помнить об указанных выше и некоторых других особенностях средневекового еврейского стихосложения. Только тогда он сможет составить себе более или менее верное представление об этих стихах.

Величие Иегуды Галеви заключается в том, что, виртуозно овладев всей сложной техникой версификации, он без остатка растворил ее в своей поэзии, создав прекрасные стихи, правдиво отражающие думы и чаяния, настроения, мечты и надежды своего поколения. Техника для него никогда не была самоцелью (учтем, что в ту пору демонстрировать ее в стихах было общепринято), а лишь средством для решения больших идейно-художественных задач.

Питомец широко известной в свое время талмудической школы Ицхака (Исаака) Альфаси, Иегуда Галеви не ограничился полученными там солидными знаниями в области иудаистики, но настойчиво овладевал всеми богатствами культуры, уделяя особое внимание поэзии и философии. Он достиг также больших успехов в медицине и имел репутацию внимательного и знающего врача. Именно медицина была его официальной профессией, и в своих письмах к друзьям он сетует на то, что она отнимает у него слишком много времени и сил. Но подлинным его призванием, родной стихией была поэзия. И, мысленно обозревая богатое литературное наследие Иегуды Галеви (далеко не полностью до нас дошедшее), поражаешься его работоспособности и той удивительной легкости, с какой он творил в самых различных жанрах. Каждая его строфа сверкает всеми красками, радует слух благозвучием, поражает глубиной мысли и яркостью образов, а таких строф тысячи!

Пребывание в Гранаде под сенью Моше Ибн-Эзры было, пожалуй, самым счастливым периодом в жизни

поэта. Эмоциональный и впечатлительный юноша, обладавший пылким темпераментом и горячим воображением, он со всей беспечностью молодости предавался радостям жизни, о которых не мог мечтать, находясь в своей строго религиозной семье в Туделе. Крайне скудны конкретные биографические факты из жизни поэта, но сами стихи его красноречивее биографов передают нам, чем он жил, о чем мечтал и думал. Иегуда Галеви мог писать только о том, что сам пережил и глубоко прочувствовал, ему было чуждо абстрактное, умозрительное сочинительство, и в этом плане поэт смело можно назвать крупнейшим реалистом еврейской средневековой поэзии, а стихи его верным зеркалом души, внутренней жизни поэта.

Именно в Гранаде, в гостеприимном доме Моше Ибн-Эзры, были созданы десятки страстных и нежных любовных стихов. Здесь родились беспечные песни о вине и пиршествах, забавные стихотворные загадки, торжественные оды о дружбе, панегирики в честь высоких покровителей, свадебные песни. Для них характерен светлый, радостный, оптимистический тон.

“Зальем огонь сердец (виноградной) кровью бокалов!” – призывает поэт в одном из стихотворений той поры. “Вижу, как время идет мне навстречу, пританцовывая и веселясь”, – признается он в другом. Вчитайтесь в стихи, объединенные рубрикой “Любовь”, – они нас как бы возвращают в атмосферу бессмертной “Песни песней”, с ее восточной негой и чувственными ощущениями и образами. Снова после многовекового перерыва в еврейской поэзии, проникнутой мотивами неизбывной скорби, стали ворковать горлинки, зазвучали страстные признания, запахло нардом и амброй. Все здесь радует слух и глаз, и прежде всего – прелесть юных “газелей” и “серн”, их косы-змеи, их перси-гранаты, их губы-рубины и зубы-жемчуга... Кое-где при-

глушенно звучат эротические ноты, но поэт никогда не впадает в натурализм и не теряет чувства меры. Вместе с влюбленными в его стихах ликует вся природа, в их радости принимают участие даже Плеяды, звезды Ориона и Большая Медведица!

Иногда кажется, что радость пламенной юношеской любви омрачена холодностью, неприступностью и "каменным сердцем" той, к кому обращены слова поэта. "Не мучь — умертви!" — восклицает он однажды. В другом месте поэт говорит о "смертельной тоске", в третьем — о "тигрице кровожадной", в четвертом — о "рычании львицы", что "терзает хищно"... Можно продолжить перечень подобных жалоб, но читателя не обмануть. Он уже понял, что таковы правила любовной игры. В классической и восточной поэзии сложилось несколько незыблемых любовных канонов, и один из наиболее популярных повествует о "бесчувственности" и даже "жестокости" возлюбленной к сгорающему от страсти, тоскующему и мятущемуся поклоннику. Иегуда Галеви, как и другие поэты его времени, отдал обильную дань этому канону.

В раздел "Любовь" включено также несколько свадебных песен. В ту пору их обычно писали по заказу, но Иегуда Галеви был материально независим, и его свадебные стихи — сердечный дар друзьям и знакомым, на свадьбах которых он пировал. В этих песнях восхваляются достоинства жениха и невесты, их родителей и содержится пожелание счастья и благоденствия. Даже в такой довольно стандартный сюжет поэт сумел внести много свежего и оригинального, расцветить его блестками подлинной поэзии.

Афоризмы и загадки, которых очень много у Иегуды Галеви (образцы их читатель найдет в последнем разделе книги), писались, как правило, "по случаю". Очень часто они рождались экспромтом, во время

застольной беседы с друзьями или распространенных в ту пору литературных игр. В этих экспромтах много озорства, остроумных находок, словесных забав. До сих пор не найдены решения некоторых дошедших до нас стихотворных загадок. Это объясняется не сложностью и запутанностью той или иной словесной задачи, а тем, что нам неведомы конкретные обстоятельства и факты, связанные с ее появлением. Написанные по конкретному поводу, эти загадки так и остались для нас загадками — изящными, узорчатыми, причудливыми, еще ждущими своего исследователя.

Веселым застольным пирушкам, которыми, по свидетельству друзей, увлекался молодой Иегуда Галеви, обязаны своим происхождением также задорные вакхические "гимны вину", два из которых включены в этот сборник. На закате своей жизни поэт выражает сожаление, что писал в молодости столь "легкомысленно". Но мы можем лишь радоваться этой "крамоле", и поныне доставляющей большое эстетическое наслаждение. К вакхическим "гимнам" примыкают и мастерские переводы с арабского стихов о любви, о вине, о забавах молодости.

Иегуда Галеви был человеком очень общительным и быстро сходилась с людьми своего круга — поэтами, учеными, философами, общественными деятелями. По обычаям того времени он обменивался с некоторыми из них стихотворными посланиями, для других же сочинял торжественные оды к памятным датам, к третьим обращался с пространными панегириками. Случалось и так, что он воздавал хвалу своим друзьям посмертно — в траурных элегиях, имеющих давнюю традицию в еврейской литературе. В совокупности все эти разнообразные формы посланий в честь друзей, живых и мертвых, образуют едва ли не самый большой раздел литературного наследия поэта.

В наше время панегирики не в моде, более того — к ним отношение явно отрицательное, этот термин употребляется сейчас только в ироническом смысле. Но не будем судить слишком строго великого поэта за то, что он был сыном своего времени. Тем более, что его панегирики писались не по заказу и не из корыстных побуждений, а в соответствии с традицией и по велению сердца. Поэтому в них есть подлинность чувств и мыслей, звучит чистый и неподдельный голос поэта. Иные же панегирики служили удобным поводом для восхваления человеческих достоинств вообще — благочестия, учености, щедрости, великодушия, отзывчивости.

Произведения этого жанра ценны для нас еще и тем, что в совокупности они образуют обширную портретную галерею его выдающихся современников, помогают нам проникнуть в их внутренний мир.

И еще одним важным достоинством обладают произведения этого рода, вышедшие из-под пера Иегуды Галеви. Нормативная поэтика того времени обязывала открывать панегирик вступлением, своего рода прелюдией, имеющей самостоятельное художественное значение и лишь косвенно относящейся к теме. Роль таких вступлений выполняли обычно красивые пейзажные зарисовки, любовные песни и т.п. Затем следовал короткий переход к основной теме, часто служивший камнем преткновения для поэтов, ибо переход должен был быть более или менее естественным и достаточно эластичным. С этими переходами Иегуда Галеви справляется безупречно, а его прелюдии-вступления — это всегда жемчужины высокой лирики (см. первую часть посланий в честь Ибн-Фарусая, Аль-Ятома и др.).

Но лире поэта отнюдь не был чужд и обличительный пафос. Он смело, не задумываясь о последствиях, выступает против ограниченных, невежественных и

спесивых соплеменников, вся доблесть и сила которых заключалась в их туго набитой мощне. Во вступительной части послания, написанного в честь Ибн-Каманиэля ("Среди евреев Севильи"), мы видим характерный образец такого рода сатиры.

Но скоротечными оказались годы безоблачного счастья, когда поэт мог петь свободно и бездумно, как птица. Резко к худшему меняется вся обстановка, в которой он жил и творил. С каждым годом усиливались внутренние распри и раздоры между мелкими мавритано-мусульманскими королевствами, приходящими постепенно в упадок. Их все более теснили, продвигаясь на юг, христианские правители. Маврам пришли на помощь Альморавиды — сильные отряды отсталых берберских племен Северной Африки. Но "спасители" вскоре превратились в поработителей своих же единоверцев-мавров, богатства которых не давали им покоя. В 1090 году они захватили Гранаду, до основания разрушив при этом местную общину. К счастью, в ту пору Иегуды Галеви там уже не было.

Началась пора странствий. Некоторое время он живет в Севилье (именно там было создано упомянутое выше известное стихотворение "Среди евреев Севильи"), затем в Лусене. В начале XII века он переселяется в христианскую часть Испании и живет в Толедо, в столице обновленной Кастилии. Там он усиленно занимается медициной и с тех пор не знает материальной нужды.

Но личное благополучие не могло затмить общей картины бедственного положения его соплеменников, все более терявших почву под ногами. Он видел, что новые мусульманские правители, фанатики ислама, отнюдь не склонны продолжать политику веротерпимости своих предшественников. Права евреев все более ограничивались, пути к государственной и об-

щественной деятельности были закрыты, экономическое положение сильно пошатнулось, проблематичной становилась даже элементарная безопасность. Тучи все более сгущались над головой, и поэт как бы предчувствует надвигающуюся катастрофу: североафриканские племена Альмохадов, низвергнувшие спустя полвека Альморавидов, поставили евреев перед выбором – либо принять ислам, либо покинуть страну.

Но еще при Альморавидах толпы беженцев хлынули из мусульманской Испании в христианскую и нашли там поддержку со стороны ряда правителей, видевших в них конструктивный элемент для укрепления своей власти и налаживания экономической жизни. Эти правители очень нуждались в их знаниях арабского языка и местных обычаев, большом административном опыте, обширных деловых и торговых связях. И на первых порах Иегуда Галеви возлагал, подобно многим, большие надежды на влиятельных еврейских сановников при христианских правителях, таких, как придворный врач из Толедо Иосеф Ибн-Фарусаль и его племянник Шломо (Соломон) Ибн-Фарусаль. Они действительно многое делали для защиты своих единоверцев от насилия и произвола, за что были воспеты и прославлены поэтом.

Но жизнь быстро рассеяла все иллюзии. Феодалы-крестоносцы не особенно считались с центральной властью, а стекавшийся под их знамена разношерстный сброд, подстрекаемый ядовитыми проповедями монахов, безнаказанно грабил и громил, вопреки всем запретам, еврейские кварталы. И когда 3 мая 1108 года при выполнении важной дипломатической миссии жертвой католиков пал сам Шломо Ибн-Фарусаль, у них же состоявший на службе (см. стихотворение "К возвращению из Арагона Ибн-Фарусаля" и комментарий к нему), в мировоззрении Иегуды Галеви произо-

шел коренной перелом. Чувство, близкое к безнадежности и отчаянию, овладело душой поэта. Он ясно видел, что евреи Испании очутились как бы между молотом и наковальней. Его настроение той поры хорошо передают такие стихотворные строки: "Они ведут меж собой свои войны, а мы становимся жертвами их"... "Нет пристанища ни на Западе, ни на Востоке... Победит ли Измаил, Эдом ли возьмет верх,^{*} мой жребий один – страдание".

Иегуда Галеви возвращается в мусульманскую Испанию и поселяется в Кордове, где чувствует себя в относительной безопасности. И здесь, как и в Толедо, у него богатая врачебная практика и материальный достаток. Но душевный покой потерян навсегда. В творчестве Галеви все большее место занимают религиозно-мистические, философские и национальные мотивы. Размышления о Боге и смысле жизни, о грехе и искуплении, о страданиях и воздаянии, об исторической судьбе своего народа и его миссии на земле становятся доминирующими в его жизни и в литературной деятельности. Чувство безысходности усиливает горячую веру в Провидение, религиозный экстаз. Это находит, в частности, свое выражение во множестве написанных в ту пору замечательных духовных стихах – пиютах. О пиюте мы уже бегло упоминали выше, здесь же остановимся несколько подробнее. Пиюты имели строгую классификацию по содержанию, форме и месту в богослужении. Вот названия некоторых из них: "Йоцер" ("Творение"), "Офан" ("Колесо"),^{**} "Геула" ("Вызволнение"), "Решут" ("Разреше-

* "Измаил" – мусульмане, "Эдом" – христиане. Использование библейских имен и названий для выражения современных понятий – характерная черта еврейской средневековой поэзии.

** Название класса ангелов.

ние”), “Ахава” (“Любовь”)... Происхождение этих терминов связано со словами молитвы, после которых дозволялось читать тот или иной стих. Так, например, “Йоцер” (“Творение”) произносили после молитвы о том, что Бог сотворил свет, и тема стиха была связана с мирозданием.

Строгая тематическая регламентация духовных стихов привела в течение столетий ко множеству формальных изысков, ибо только в этом поэт мог проявить свою индивидуальность. Пиют стали украшать акростихом. Излюбленной формой стал, в частности, пиют, строки которого располагались в алфавитном порядке (что, между прочим, облегчало запоминание стихов). Потом начали сочинять пиюты, в основу структуры которых был положен удвоенный, утроенный и учетверенный алфавит и другие хитроумные буквенные комбинации.

Исключительные размеры приняло словотворчество. На основе библейской лексики создавались сотни и тысячи новых слов и словосочетаний (в частности, из имен существительных было образовано множество имен прилагательных и глаголов, и наоборот).

Предпринимались также более или менее удачные попытки узаконить в поэзии ряд грамматических новаций, все более отдалявших ее от прозы и делавших довольно трудной для восприятия. В целом, все это обогащало язык, расширяло его возможности, например, возросло количество поэтических синонимов. Вместе с тем, нельзя было не видеть, что нередко новации перерастали в бездумный языковой произвол и приводили к калечению и порче иврита, делая подчас непонятными многие стихи, превращая их в шараду. Но трудности стиля в средние века относились скорее к достоинствам, чем к недостаткам поэтического произведения, и так было не только в еврейской поэзии.

Арабские стихотворцы, чьи образы и мысли постигались без умственного напряжения, не особенно ценились читателями...

И в области пиюта проявляется самобытный талант Иегуды Галеви. Созданные им "Йоцерот" ("Творения"), "Офаним" ("Колеса") и другие духовные стихи – не запутанные рифмованные шарады, а высокохудожественные поэтические произведения, подчас философского характера. Нельзя не отдать должное совершенству формы таких стихов и высокому мастерству, с каким они написаны.

Духовные стихи Иегуды Галеви не однородны. В одних доминирует религиозный экстаз, в других видны следы сомнений и колебаний: чувственные, земные радости все еще влекут к себе поэта. В цикле "Наставления душе" он убеждает себя (и своих читателей) скорее отрешиться от греховных страстей. Некоторые из духовных стихов Галеви – это восторженные гимны Всевышнему, природе и жизни во всех ее проявлениях.

Огромную популярность завоевали так называемые сиониды Иегуды Галеви, посвященные трагическим страницам истории еврейского народа и его сокровенным мечтам и надеждам. Они вызвали многочисленные подражания на разных языках, в частности, несколько сионид в стиле Галеви написал в свое время Самуил Маршак.

Утешая народ и суля ему грядущее избавление от бед, поэт иногда горько сетует, что на долю избранного народа выпала столь трагическая участь. С особой яростью он обрушивается на пассивность, инертность, примиренчество и трусость своих соотечественников, которые могут лишь мечтать о пришествии Мессии, но не способны активно действовать.

В написанной в последние годы жизни "Книге

хазара" ("Ха-Кузари")* — религиозно-философском трактате на арабском языке о трех религиях (иудаизме, христианстве и исламе), он обвиняет евреев в том, что они "сами предпочитают остаться в изгнании, не желая расставаться со своими жилищами и делами" и предсказывает, что "Святой Град будет отстроен лишь тогда, когда сыны наши пожелают этого так страстно, что им станут милы его камни и его прах..." Эти же мысли варьируются и развиваются во многих его стихах. Все настойчивее призывает он "не сидеть сложа руки, не мечтать и грезить, а действовать..." В заключительных строках той же "Книги хазара" он пишет: "Если будут одни лишь намерения без дел, погибнет надежда..."

Единство слова и дела — одна из самых характерных черт поэта. После мучительных размышлений придя к выводу, что пассивно ждать пришествия Мессии грешно, и право на вызволение можно заслужить лишь активными богоугодными делами, Иегуда Галеви на склоне лет стал готовиться к поездке в Страну Израиля, дабы поклониться священному праху праотцев и умереть на их земле. Лишь там, по его убеждению, была возможна близость к Богу. Лишь там его пламенные молитвы могли достичь небес. В этот период жизни им были написаны такие шедевры, как "Сердце мое на Востоке", "Узники Сиона", "Врата Сиона", "Иду я в твои города и селенья" и другие.

Безрассудное решение Иегуды Галеви уехать в Палестину, захваченную недавно крестоносцами, куда въезд евреям был запрещен под страхом смерти, вызвало резкое недовольство всех его друзей и близ-

* Хазары, как известно, в X веке приняли иудаизм, и в книге идет теологическая и философская дискуссия, дабы убедить хазарского царя в преимуществах той или иной религии.

ких. Решительно возражали против этого и родные. Но никакие резонные доводы, в частности, о невероятных трудностях и опасностях пути, не могли остановить поэта, одержимого одной лишь страстью. В ответ друзьям и родным он пишет проникновенные стихи, свидетельствующие о непреклонности его решения. В то же время они говорят и о другом — что это решение далось не легко. Он понимал, что навсегда расстанется с самыми близкими ему людьми — единственной дочерью и внуком, навсегда расстанется с друзьями и со страной, с которой связан тысячью уз.

Подготовка к переезду и сама поездка по Средиземному морю в утлом судне вызвала к жизни превосходный цикл "Морских песен" (некоторые из них публикуются в сборнике) — единственных во всей еврейской средневековой литературе. В них в совершенной поэтической форме отражены противоречивые чувства и переживания поэта — страх перед бурей и пиратами, восторг перед грозными силами природы, горечь разлуки с родными и близкими, пламенная вера в осуществление своей мечты. Одно сознание этого делает его счастливым даже тогда, когда "В гроб деревянный он заживо лег" (имеется в виду тесный, набитый до отказа трюм парусника, в котором находился Иегуда Галеви).

Старый поэт (он выехал из Испании в Египет в 1140 году, когда ему было не менее 65 лет) как бы вновь обретает творческую молодость, и его поэтическая палитра сверкает всеми красками жизни. Под грохот волн и рев ветра, когда налетевший шторм швыряет суденышко, как шепку, он лихорадочно нашептывает все новые и новые строки, которым суждено было навеки войти в сокровищницу мировой поэзии.

Судно, на котором находился Иегуда Галеви, благо-

получно прибыло в Александрию, где его ждал триумфальный прием в местной еврейской общине. Слава поэта давно перешагнула границы Пиренейского полуострова, и стихи его с наслаждением читали и распевали во всех еврейских общинах Европы и Азии. В Александрии он в течение нескольких месяцев был гостем престарелого судьи и врача Аарона Ибн-Алемани, одного из руководителей местной общины. Здесь в честь поэта устраивались торжественные приемы, звучали восторженные речи поклонников его таланта. Поэт не оставался в долгу и отвечал своим друзьям и почитателям звучными стихотворными посланиями. По приглашению главы египетских евреев Шмуэля Бен-Хананьи он едет в Каир в надежде, что оттуда ему удастся быстрее перебраться в Палестину. Он побывал также и в некоторых других городах.

Пребывание в Египте среди роскошной природы, на берегах могучего Нила, с которым связано много библейских сказаний, послужило сильным творческим импульсом для создания прекрасного цикла стихов о стране фараонов, частично представленных в сборнике. И читая эти звучные строки, полные дыхания жизни, трудно себе представить, что они вышли из-под пера поэта, дни которого были сочтены... Иегуда Галеви скончался в 1141 году. Причина его смерти, точная дата ее, также как и место погребения, остались неизвестными, что породило множество легенд. Самая распространенная (которую использовал и Генрих Гейне в своей известной поэме) говорит о том, что поэт погиб, пронзенный копьем, под копытами сарацинского коня, когда припал к праху Святой Земли и шептал свои стихи.

Творчество Иегуды Галеви справедливо считается вершиной еврейской средневековой поэзии. Строго

придерживаясь сложных правил версификации,* он сделал их послушным и гибким орудием своих творческих замыслов. Чарующая музыкальность и образность его стихов неизменно сочетаются с глубиной мысли и подкупающей искренностью чувств. Справедливо подметил один из выдающихся исследователей творчества Иегуды Галеви А.Гаркави, что "несмотря на оковы и цепи, которые сам поэт добровольно наложил на ноги своей музы, по примеру поэтов-современников, со скрупулезной педантичностью подсчитывая все ее "движения" и "колышки",** шаг ее легок, как взмах птичьего крыла, напев мудр, и нет удержу для ее полета ввысь под самые небеса..."

Обширные исследования написаны о метрах и рифмах Иегуды Галеви, его излюбленных звукосочетаниях, игре слов, "инкрустациях", "уподоблениях" и других использованных им стилистических приемах; вся прелесть их в том, что у Иегуды Галеви они никогда не существуют сами по себе, вне поэзии. Это не пестрые "украшения" стиха, как того требовали правила поэтики, а надежные и безотказные инструменты зрелой мысли и сильного чувства.

Много десятилетий бытовал миф о непереводимости его стихов. Следует сказать, что немецкие, английские, французские и итальянские переводы прошлого века давали основание для таких пессимистических заключений. Не отличаются большими поэтическими достоинствами и русские переводы Иегуды Галеви Е. Жирковой (Элишевы), Н. Минского, Н. Новича, Л. Яффе, выполненные в начале нашего века. К тому же они перевели всего лишь несколько его стихотворе-

* Лишь в последний период своей жизни он стал подвергать сомнению их целесообразность.

** Термины "учения о стихах", определяющие стихотворный метр.

ний. И вот перед нами сравнительно большой сборник стихов Иегуды Галеви, охватывающий все основные жанры его поэтического творчества – плод вдохновенной и многолетней работы известного мастера художественного перевода Л.М.Пеньковского. Он страстно мечтал увидеть эту книгу опубликованной (подготовлена к печати летом 1968 года), но, увы, этому не суждено было сбыться...

Первый раздел книги "Сиониды" (за исключением стихотворения "Сердце мое на Востоке") переведен известным габраистом А. Газовым-Гинзбергом летом 1975 года, вскоре после его репатриации из Ленинграда. Разумеется, не могло быть и речи о публикации "Сионид" в Советском Союзе.

Неоценимую помощь оказал издательству выдающийся израильский поэт и большой знаток русской поэзии Хананья Райхман. Он мастерски отшлифовал и приблизил к подлиннику ряд вольных переводов Л.Пеньковского ("Сердце мое на Востоке", "Душа моя, вновь успокойся" и др.).

Основывая в 1918 году издательство "Всемирная литература", Горький мечтал о том, чтобы на русский язык были переведены классики всех стран и народов. Эта идея постепенно претворяется в жизнь. Разительное исключение составляют лишь авторы, писавшие и пишущие на языке Библии – классики ивритской литературы. Их игнорируют, и о них упорно молчат.

Публикация сборника стихов Иегуды Галеви в Израиле – весомый вклад в решение большой культурной задачи. Приобщая тысячи репатриантов, еще не владеющих ивритом, к богатствам нашей самобытной литературы, эта книга, мы надеемся, порадует всех любителей поэзии. Ее издание приурочено к 900-летию со дня рождения великого поэта.

А.Белов

1. СИОНИДЫ

УЗНИКИ СИОНА *

Ты ждешь ли еще, Сион, вестей от детей твоих,¹
Плененных, рассеянных вдали от полей твоих?
Из ближних и дальних стран, на всех четырех ветрах,
Сион, принимай поклон, привет сыновей твоих!

Лелею тоску мою, и слезы, как воду, лью;
Падут ли росой они во прах на горах твоих?
Но вижу порою сны: вернутся твои сыны;
Я б арфою стал тогда и пел на пирах твоих!

Я в сердце ношу Бейтэль, Махнаим и Пенизль,²
Где видели ангелов святые места твои.
В тебе Адонай царит, божественный дух разлит,
И в небо распахнуты золотые врата твои.

Светилами освещен, а святостью — освящен,
Светлее, чем солнца свет, удел рубежей твоих.
Излиться хочу душой на этой Земле Святой,
Где дух изливал Господь на лучших мужей твоих.

Ты — славных царей чертог, и выше тебя — лишь Бог.
Как стал иноземный раб владыкой дворцов твоих?
Хочу я скитаться там, бродить по крутым путям
Провидцев Всевышнего, простых мудрецов твоих.

Я б крылья иметь хотел, к тебе бы я полетел,
Израненным сердцем пал на раны земли твоей,
Обнял бы вершины скал, и камни твои ласкал,
Упал бы лицом во прах, лежал бы в пыли твоей.

* Строки, помеченные цифрами, прокомментированы в конце книги.

Недвижно стоять готов, застыв у могил отцов,
В Хевроне, главу склонив у славных гробниц твоих;³
Пройти каждый лес и сад, взойти на седой Гил'ад,
Увидеть заречья даль, до гор у границ твоих.

И там, среди этих гор, те две — Аварим и Ор⁴—
Могилы святых двоих, светил и зарниц твоих.
И, в грудь дух земли набрав, что слаще курительных трав,
Я пил бы, как лучший мед, из рек и криниц твоих.

И, пусть даже бос и гол, до тех бы краев дошел,
Где Храма развалины пусты среди пустынь твоих,⁵
И мах херувимских крыл навек от очей укрыл
Ковчег со скрижалями, Святыню святынь твоих.⁶

Сниму с головы волосы, не надо мирской красы,
Пока чужеземный прах на главах сынов твоих.
Могу ли спокойно жить, могу ли я есть и пить,
Когда свора псов чужих напала на львов твоих?

Приятен ли мир для глаз, и светел ли будет час,
Когда воронье клюет погибших орлов твоих?
О, чаша судьбы горька, не сдержит ее рука,
Вся горечь изгнанья здесь, до самых краев твоих!

Как вспомню я Оголу — отраву, как воду, пью,
А вспомню Оголиву — и пьян я бедой твоей.⁷
Но дева Сиона вновь рождает в сердцах любовь,
Ты верных друзей влечешь красой молодой твоей.

Столь дорог им твой покой, что слезы текут рекой
От горечи ран твоих, тяжелых невзгод твоих.
Из плена своих темниц, с любовью, склоняясь ниц,
Привет и поклоны шлют порогу ворот твоих.

И пусть от тебя вдали, мы — паства твоей земли,
Блуждаем из края в край, но помним края твои.

Как малые дети — мать, колени спешим обнять,
И гроздьев груди достичь, ведь мы — сыновья твои.

★ ★ ★

Как славен был Вавилон, и властен был Фараон,
Но что была сила их пред тайною сил твоих?
Здесь Бог помазál царей, и Он избирал князей,
Пророков и пастырей, духовных светил твоих.

Столетия быстры, как день, и царства уходят в тень,
Лишь сила твоя — вовек, и вечны венцы твои.
Дух Божий в Сионе жив, и счастливы те мужи,
Кому возвратит Господь дворы и дворцы твои.

Блаженны, кто с верой ждет, что утро твое придет,
Разгонят ночную тьму золотые лучи твои,
И полные сладости, несущие радости,
Забьют вечно юные, живые ключи твои!

СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ⁸

Я на Западе крайнем живу, — а сердце мое
на Востоке.
Тут мне лучшие яства горьки — там святой моей
веры истоки.

Как исполню здесь, в чуждом краю, все заветы,
обеты, зарок?⁹
Я у мавров в плену, а Сион — его гнет гнет Эдома
жестокий!¹⁰

Я всю роскошь Испании брошу, если жребий
желанный, высокий
Мои очи сподобит узреть прах священных руин
на Востоке!

ВРАТА СИОНА¹¹

Весь мир населенный —
И град, и селенье —
Слышал, что с Сиона
Грядет искупленье.

Вещайте широко
О славе сих врат!
И Запад с Востоком
О них говорят.
Не тем, что высок он,
Прославился град:

Отмечен он Богом
Для благоволенья
И стал он чертогом
Его проявленья.

Где горы, как гряды,
Растят оленят,
Цветы винограда
Дыханье пьянят,
И травы — отрада,
И кущи манят,

Там в небо, летучи,
Вздымались куренья!
И в дыме, и в туче
Являл Он виденья.

Он сделал Сион
И святыней, и чудом,
Чтоб полнился он
Славословящим людом.
В любой из сторон
Его слава — повсюду.

Неверным твердыням —
Недуг иссушенья,
Его же пустыням —
Молитв орошенья!

Господь, как жених —
Он с Общиной повенчан.
Он светоч воздвиг,
И огонь его вечен:
Урок ведь велик,
А свет дня быстротечен.

Он нам и в пустыне
Дарил озаренье.
С тех пор и поныне
Крепчало прозренье:

Больным и согбенным
Пора исцелиться!
Идущих из плена
Встречает Столица!
Тяжелое время
Уже не продлится.

Росою с Хермона
Придет избавленье,¹³
Вратами Сиона
Грядет искупленье!

* * *

Иду я в Твои
Города и селенья,¹⁴
Иду я Твои
Исполнять повеленья;
Бродяга, робея,
Скиталец судьбою,
Приблизусь к Тебе я
И встречу с Тобою.

Любовию движим,
Спешу к этой встрече,
К Тебе я все ближе,
От близких далече.
Не взял в эти дали
Я груза на плечи;
Меня осуждали, —
Но стал я лишь крепче.

Укроюсь в Тебе я,
Согреюсь Тобою.

Дойду, и за день я
Отдам жизни годы;
За прах и каменья —
Дворцовые своды;
Найдет избавленье
Не знавший свободы;
Под эту сенью
Не страшны невзгоды.

Да, верен Тебе я
И силен Тобою.

Я жажду омыться
Росою Сиона,

Спешу я укрыться
В тени Сириона,¹⁵
Гляжу в эти дали —
Долину Видений,¹⁶
Где скрыты скрижали,¹⁷
Полны откровений
В ковчеге Твоем
И хранимы Тобою.

Того, кто меняет
Тьму ночи на утро,
Да не оскверняет
Судящий немудро.
Мы в вере святой
Умирали без стона,
И в гибели той —
Искупленье Сиона.

Мы — паства Твоя,
Мы — сыны пред Тобою.

* * *

Гора Аварим, принимай привет!¹⁸
Поклон посылает тебе весь свет.
Ведь здесь уснул величайший муж,
И выше могил во вселенной нет.
Ты море спроси, что он рассек¹⁹ —
Оно не забудет и тысячи лет;
И куст, что горел на Божьей горе,²⁰
Горел, не сгорая, — тот даст ответ:
"Он верным был Господним слугой,
Хотя налагал на уста запрет".
И если Господь мне поможет в том,
Тебя навестить я даю обет.²¹

★ ★ ★

Почувствовав к Земле Заветной тягу,
Не успокоюсь я и не прилягу.
Господь меня позвал на путь скитаний
И придает моей душе отвагу.
Поэтому к Нему в пути взываю,
Ведь без Него не совершу ни шагу.

II. МОРСКИЕ ПЕСНИ

ТЫ ЗА ЮНОСТЬЮ ВСПЯТЬ УСТРЕМИШЬСЯ ЛЬ?..¹

Ты за юностью вспять устремись ли, когда
На закат все быстрее улетают года?

От служения Богу дерзнешь ли отречься,
И о тщетном, земном только ревностно печься?

Хочешь многим служить, чтобы взять от них много
И покинуть Единого — Господа Бога?

Ты поленишься вовремя в путь снарядиться
И свой жребий продашь за горшок чечевицы?²

”Хватит! Хватит!” — был голос души не однажды,
Но поныне земной не осилил ты жажды.

От пяти своих чувств, от пустых вожделений,
Отвернись, отрекись ради высших волнений!

Лишь тому повинуйся, что скажет Предвечный:
Скуден дней твоих счет — и они быстротечны.

Не испрашивай волю Его лицемерно,
Не вступай на стезю чародейственной скверны.

И всегда, исполняя Господни веленья,
Будь отважнее льва и быстрее оленя.³

Не роняй свое сердце от страха в пучину,
Если гор водяных станут падать вершины,

Если руки матросов, как тряпки, повиснут,
Мореходы беспомощно зубы лишь стиснут;

И кто прежде вперед шел так бодро, так гордо,
Тот, пристыжен, обратно плетется нетвердо.

Пред тобой развернется вся ширь океана, —
Убежать? Но куда убежишь из капкана!

Парусов и снастей ветер треплет обрывки,
Доски с мест выпирают в настилах, в обшивке;

Забавляется ветер, играя зыбями, —
Так проходят жнецы меж густыми хлебами.

То — волна на волну прынет грозною львицей,
То — спадет и начнет по-змеиному виться —

И стремиться за львицами, их догоняя,
Никаких заклинателей мудрых не зная.

Свой корабль многосильный заранее оплачь ты:
Сорван флаг, и трещат и ломаются мачты!

Весь ковчег содрогается, стонет угрюмо —
Все три яруса палуб с глубинами трюма.

У матросов натягивать снасти нет силы,
Всех покинуло мужество, жизнь им постыла.

И ни в ком уже нет ни надежды, ни веры,
Что помогут в беде им обычные меры.

Стали мачты из кедра подобны соломам,
Мачты из кипариса — тростиночкам ломким.

Мелкий камень в бушующих волнах — пылинка,
Крупный камень — и тот в них крупинка, песчинка!

Когда все божествам своим станут молиться, —
Ты к Святая святых поспеши обратиться.⁴

Вспомни Чермное море и вспомни о чуде,
Что во веки веков поминать будут люди.⁵

Ты прославишь творящего дивные дива,
Укротителя буйной волны в час отлива.

Ты напомнишь Ему о достойных деяньях
Грешных душ, очищающихся в покаяньях.

И заслуги всех предков твоих Он оценит –
Воскресит мертвецов, плотью кости оденет.⁶

Волны стихнут, людские обрадовав души,
И улягутся мирно, как стадо на суше...

НОЧЬ НА МОРЕ⁷

...Солнце по лестнице неба сошло величаво –
Воинство вышнее месяц возглавил по праву.

Ночь – негритянка в плаще темно-синего шелка,
В золоте пряжек, в несчетных алмазных заколках.

С неба низвергнуты, звезды-изгнанницы – в горе,
В горьком рассеянье трепетно смотрят из моря, –

К водной стихии свое естество приспособя,
Светятся там и свои размножают подобья.

Лоно морское спокойно, как ширь небосклона,
В искристых блестках и небо, и водное лоно,

Где же тут небо, где – море? Гаданье – бесцельно:
Видно, два моря тут ныне слились безраздельно!

Есть между ними и третье – двух первых чудесней:
Сердце мое со внезапно нахлынувшей песней!

ДУША МОЯ ПОКОРНА ТЕБЕ И ВЕРНА

Душа моя покорна Тебе и верна,
Благоговейно Тебе благодарна она.

Устану ль в трудах иль в скитаньях я, —
Ты мне утеха, Ты — радость моя!

Куда ни иду, на что ни смотрю,
Каждым движеньем Тебя благодарю.

И когда мой корабль над простором вод
Журавлиные крылья свои распрострет,

Чтоб меня переправить в тот край, куда
Я заветной мечтой стремился всегда,⁸

И когда, как сердце мое поутру,
Морская ширь зашумит на ветру

И в бурлящий котел превратит глубину,
И кипящим варевом вспенит волну;

И когда, таясь в островных тайниках,
Дикари-разбойники на челноках⁹

Окружат корабль, и на нас нападут,
И акулы стаи нам вслед поплывут;

И, трапезу чуя, пересилив лень,
Крокодилы у бортов закишат в тот день;

И поднимется вопль — и страшней будет он,
Чем вопли первородящих жен;

И когда буду пищи лишен и питья, —
Твоим сладким именем сыт буду я!

И не будут заботить меня теперь
Ни торг, ни купля, ни тягость потерь,

Когда я покину, уехав прочь,
Единственную любимицу-дочь,

Сестру души, мою плоть и кровь,
И к внуку переборю любовь –

К живому кусочку сердца моего,
Лаская лишь в воспоминаньях его!

Мне ль, Иегуде, Иегуду забыть?!¹⁰
Но лишь бы Тобой мне любимым быть,

Когда она сбудется, моя мечта,
И войду я, ликуя, в Твои врата,

И там поселюсь, благодарный судьбе,
Принеся свое сердце в жертву Тебе,

И оставлю могилу в Твоей стране –
Да будет она свидетелем мне!

ВАМ, БРАТЬЯ И СЕСТРЫ...

Вам, братья и сестры, друзья мои, вам
Я ныне прощальный привет передам
Раба надежды, кто душу доверил
Неверным ветрам и коварным морям.

Западом он на Восток гоним¹¹ –
Гонимый одним, он влеком другим.
Один только шаг между ним и смертью,
И лишь доски бортов меж ней и меж ним.

Тут в гроб деревянный он заживо лег¹²
И двинуться в тесной коробке не мог.
Тут пленнику на ноги стать невозможно,
А лежа он тоже не выпрямит ног.

Он болен. Нет близких. Опасно вокруг.
Пираты иль бесы появятся вдруг.
А каждый матрос, хоть и молокосос, —
Начальник, сатрап! — Ты не жди их услуг

Ученых, почтенных мужей не чтут —
В чести лишь наука матросская тут,
Всем этим порой удручен я немало,
Но сразу и сердце, и разум поют

При мысли, что Господу своему
В Его руинами ставшем дому¹³
Вскоре смогу излить свою душу
И спеть вдохновенные гимны Ему!

ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР¹⁴

Западный ветер благоприятный,
Запах яблок, нард ароматный!

Исток твой — край торгашей, барышей,
Духовное — не для твоих ушей.

Если бы ласточки крылья мне дали,
Я упорхнул бы в желанные дали!

Ветра дождался народ, и вот
На судне досчатом к Востоку плывет.

Не забывай нас, ветер, ни в плаванье,
Ни на причале в попутной гавани!

Гони нас вперед, сквозь морской простор,
Ты отдых найдешь у священных гор.¹⁵

Взъярись на ветер восточный, чтоб море
Он кипятком не взбурлил нам на горе.

А смертный что может? В узилище он
Или в изгнании — он угнетен!

А мне на вопрос мой лишь Тот бы ответил
Кто горы воздвигнул и создал ветер.¹⁶

★ ★ ★

Внемли, Господь, моей мольбе:
Морской волны не сокрушай!
Петь славу буду я Тебе —
Морских глубин не осушай!
И ветру западному дуть
Вслед кораблю ты не мешай,¹⁷
И сократи к Востоку путь,
И скорость волн не уменьшай,
В пути морском меня храня.
Чужбины гнетними с меня¹⁸
И попеченья не лишай!

★ ★ ★

Иль вновь потоп на мир обрушен¹⁹
И нет нигде ни пяди суши?

Где человек, где зверь, где птица?
Конец? И жизнь не возродится?

Одну бы мне увидеть гору —
Причал души, мечты опоры!

Взгляну сюда, взгляну туда —
Вокруг лишь небо и вода,

И наш ковчег, и великан —
Разгневанный Левиафан,²⁰

Ревущий грозно из пучины,
И волн косматые седины.

Морской свирепый дух не сыт —
Похитить наш корабль грозит...

Но почему так счастлив я? --
Близка святая цель моя!

НА КОРАБЛЕ В БУРЮ²¹

.
...Расшумелись валы,
Высоки, тяжелы,
Гребни — пенно-белы,
Ветер гневно-могуч.
Небеса так темны,
Воды — буйно-шумны,
Море взлетом волны
Касается туч.

Ширь морская бурлит,
Ревет и гремит —
Кто стихию смирит,
Укротит грозный шквал?
Тут крутые вершины
Вознеслись из пучины,
Тут разверзлись глубины,
Тут в бездну провал.

А корабль невелик,
Он кряхтит, как старик,
Вверх и вниз, что ни миг —
Страшно прыгать ему.
Хоть и не старики,
Силачи-моряки
Ослабели — руки
Не поднять никому!

Но на бешенство вод
Я смотрю без забот, —
Мне надежный оплот
Сам пророк Моисей!²²
Богу жарко взмолюсь
И в грехах повинюсь,
Лишь докучить боюсь
Я молитвой своей...

Не унять буйных недр,
Все неистовой ветр,
С корнем вырвет он кедр,
Он разрушит леса.
Моряков уже корчит,
Обезумел их кормчий,
Мачты нет, руль испорчен,
Не поднять паруса!

Нет огня, а кругом
Все кипит кипятком,
Нет надежды ни в ком,
Весла больше не впрок.
Как же духом не пасть,
Чья тут воля и власть,
Кто страшней зрел напасть —
И рассудок сберег?

От кормы и до носа —
Страха власть и хаоса,
Словно глухи матросы
И дозорный ослеп.
Все усилия скудны,
Стоны путников нудны,
Содрогается судно
От основы до скреп.

И, как будто пьяно,
Кружит, пляшет оно, —
Ни за что всех на дно
Спустит едущий люд.
Тут им Левиафан,²³
Радостью обуян,
Пир задаст — зван не зван, —
Успокоит их тут.

Океан их любовно
Примет всех поголовно:
Ни один человек
Не спасется вовек!

.

III. К ДРУЗЬЯМ

★ ★ ★

Благовоние мирры иль запах плодов,¹
Шум ли миртов под ветром из ближних садов

Или шепот влюбленных и жемчуг их слез,
Иль журчанье дождя среди зарослей роз,

Или ласточки писк, или горлинки трели,
Или пение скрипки, иль песни свирели?..

Иль вспомнилось имя одно – Моисей,
Что молва по земле прославляет по всей?²

А вельможный носитель его – это тот,
Кто сорвал диадему с красы всех красот,

Но собою самим красоту увенчал –
И любимцем ее и наперсником стал.

Благородство свое унаследовал он
От родителей, к чести которых рожден.

Слава благодетелей его обрела
Ширь и мощь, как крыла у морского орла.

Люди заняты лишь суетой и тщетой,
Он – трудов незабвенных подвижник святой.

А того, кто дела его взвесить придет,
Спросим, взял ли весы он для горных высот...

Эти строки тебе я любовно снизал,
Ожерельем на память тебе повязал,

Чтоб на вечную дружбу с тобой присягнуть,
Чтоб любовь твою на сто крючков застегнуть,

А к плащу твоего превосходства пришить
Бубенцы этих рифм я прошу разрешить.³

Если скудно число их — за то не взыщи,
Ведь изысканнее где найдутся плащи,

Хоть и мало их — то любви моей дань.
Для плаща твоего где достойная ткань?

Сам я ткань эту ткал — всюду брал, собирал
Самый ценный и самый простой материал.

СРЕДИ ЕВРЕЕВ СЕВИЛЬИ⁴

Не верит тот, кто облачен в виссон,
Что в гниль и прах он будет превращен.

Судьба, иным свой кубок благ налив,
От них таится, мне свой лик открыв.

”Чистейший мед!” — они мне говорят.
Отведал я — и говорю им: ”Яд!”

Кто древом жизни деньги признает,
Познанья древо в страхе оплюет.⁵

Внемли, глухой! Тот муж блажен, чья речь
В твое тугое ухо сможет втечь!

Вам мудрость — угля жгучего страшней,⁶
Схватили бы — брильянт нашли бы в ней!

Но не по вас добыча эта: вы
Беззубые со дня рожденья львы.

С какой поклажей справится осел,⁷
Которому его потник тяжел?!

Скот пред стеной коленопреклонен,
А пред какой — того не смыслит он.⁸

Клянетесь Богом — лжете вы Ему, —
Клянетесь тем, что вам не по уму.

Сказали Богу: "Отойди!" — ничуть
Его законов не постигнув суть.

Непостижима для таких людей
Таинственная цель Его путей!

Среди безумных что приобретешь?
Сам в их кругу легко с ума сойдешь!

Ваш круг немало горя мне принес —
Так предо мной вы задирали нос.

Единственный нашелся среди вас,
Кто мне помог и душу мою спас.

Посеяв семена его забот,
Я получил богатый умолот.

Мне древом жизни длань его была,
Познанья древом — слово и дела.⁹

Лицо его — как солнца яркий свет,
Которому вовек заката нет.

Все видели, что мало лет ему,
Но старше старцев был он по уму.

Всем чистота его была видна,
Дотоль невиданная, без пятна!

Так мы лозе дивимся дорогой
Где возвращена и от лозы какой?

Видали бы родителей его,
Признали б: "По наследству естество!"

С достоинством, как митру Аарон,¹⁰
Венец отцовский чести носит он.

★ ★ ★

С тех пор, как друг мой отбыл в далекую страну,¹¹
Ведут со мной невзгоды жестокою войну.
Горю в кострах страданий, и корчусь, и стону!

Когда б не так внезапно настал разлуки час,
Ты б хоть пожал мне руку и жизнь мою бы спас.

Как сердцу не разбиться, коль друга рядом нет?
— Ты сам уедешь утром! — услышал я в ответ.
Он так предрек — так было, когда блеснул рассвет.

И тут открылись тайны моей любви — все то,
Чего б я не поведал и звездам ни за что.

Дохни мертвящей стужей ты, север ледяной,
Верни мне, ветер юга, того, кто был со мной,
Ему, восточный ветер, поклон отдай земной.

Но с Запада подуло и дует все сильней,
Все больше раздувая пожар в душе моей.

Испанию покинув, ты за море уплыл,
На должностях высоких там светочем прослыл.
Он окрылен разлукой, а я лишился крыл.

Но чуть он возвратится, ко мне вернется сон, —
Он — совершенство века, моя святыня — он!

Я города отвергнул, селюсь в тиши, окрест.
Хоть нет его, но близок уже его приезд —
И я пою, ликую, насельник новых мест.

МУЗА ПЕСНИ^{1 2}

Нам муза песни — что зеница ока,
В литейной сердца отлита глубокой.
Душа явила свиток свой, но вскоре
Ограблена была! О горе, горе!
Добычей рифм ты сделалась, к несчастью,
Разъятая по буквам вся, на части,
Ты — госпожа, а, как служанка, льстива
Ты со своим слугой, а речь — плаксива.

Тебя в горниле мысли раскаляли,
А после в тигле сердца расплавляли,
Нагар и накипь выводя из сплава,
Чтоб чистой стала подлинно, на славу.

В день брани быть мечом она готова,
В день ликований — сладостью медовой.
Служить ее причудам мне отрада,
Ей властвовать над сердцем моим надо.
Нас днем она и ночью посещает,
Своих питомцев медом насыщает.
Кто восхищеньем ей не платит дани,
Кто б не мечтал вкусить ее лобзаний?!

Когда она безмолвна, ухо сразу
Завидует моей руке и глазу

За то, что ею любовались вместе,
Такой высокой удостоясь чести.

Ревнует ухо, но без слез, без крика,
А словно кротко просит: "Повтори-ка,
Что песня так неслышно-тихо, глухо
Тебе шептала?.."

Ухо мое, ухо!

Ведь эта песня — шило, чьим чудесным
Ты острием проколото словесным!¹³
И, значит, я остаться должен снова
Рабом покорным песенного слова.

А песня не скупится на награды —
Тебе, мой друг, двойную выдать рада
За то, что ты ко мне ее направил,
Хоть острие для битвы не направил.
Однако же, как молния из тучи,
Она сверкнула — и не знаю лучшей.

Живи, поэт, и славься во вселенной,
Пусть песен свет нам светит неизменный!

ЩЕДРОЕ ОКО¹⁴

Подобно купцу, что кочует по белому свету,
Нам щедрое око свои продает самоцветы:

За капли рубиновых слез, за их жемчуг богатый
Тоска и невзгоды скитальчества служат уплатой

И если бы так не пылало в них пламя печали,
Каким ожерельем красавиц они б украшали!

Скитается око далеко и плачет в обиде,
Друзей обиталища ныне руинами видя.

Разлуке не только обитателей этих не жалко, —
И в сердце моем она рушит последнюю балку!

Руины узнать не хотят меня, — сердце, однако,
Узнает любовь из них без особого знака.

Но видит Господь благородных скитальцев дорогу,
И щедрых очей расточительство ведомо Богу!

Друзей потеряв, я б утешился рано иль поздно,
Но как их забыть, наблюдая за россыпью звездной?!

Когда против солнца луна ополчиться дерзнула,¹⁵
Считая, что солнце в закатных морях утонуло,

То прыснула в небо она огневыми мечами,
И землю сверкающими исхлестала бичами.

Как в пляске танцовщиц бахромное золото шали,
Мелькавшие молнии тьму еще больше сгушали.

Вся в панцире мрака, мечтала земля о возмездье,
Мятежницу копьями искр осыпали созвездья.

Луна пробегала, на туче порою споткнувшись,
На миг остановится, в дымчатый плащ завернувшись,

С изменчивым ликом, осыпанным бранною пылью,
Она свою рать побуждает умножить усилья.

Небесное стадо, что пас я, очей не смыкая,¹⁶
На землю спуститься усердно его понукая,

Не слушалось и шевелилось с трудом, еле-еле,
Как будто все вдруг заболели иль затяжелели.

Большую Медведицу видя, я плачу от боли,
Что семь дочерей ее разлучены поневоле.

Но как я завидую вечно сплоченным Плеядам,¹⁷
Ревниво слежу я за ними тоскующим взглядом!

Рука их поднята шатер подпирать многосферный,
Иль чтобы измерить ковер небосвода безмерный?

Где ж солнечные колесницы? Что их задержало?
Восток ли заспался, врата отперев запоздало?

Пора появиться лазури на смену агату,
Ланитам зари заалеть под сурьмой кудреватой!

Мне ночь опостылела! Диск этот лунный — для глаза,
Как на животе чернокожего язва проказы!

Изменит ли черный свой цвет негритянская кожа?
Пятнистость пантеры и с неба не смоеется тоже!¹⁸

Но если мне лучик огня померещится где-то,
Я весь трепещу: не предвестник ли это рассвета?

Хотя колесница его еще где-то далеко,
Но солнце узреть не отчаялось ждущее око.

И вот — ветерок, затаясь меж деревьев, случайно¹⁹
Двух миртов цветущих подслушал любовную тайну.

Щебечут пернатые, голубь — заика-посыльный
Так внятно сегодня со мной говорит, так умильно.

Ночную росу отряхает он с крыльев и, словно
Жемчужною манной, меня осыпает любовно.

И то ли в ней мирры, то ль ладана в ней ароматы,²⁰
Иль песню-посланье принес он от Ибн-Гиата?

Как ночь, ее строки,²¹ а мысли — как светлое утро,
Как девы лицо из-под гущи волос темнокудрой.

Ряды этих строчек с кеदारскими схожи шатрами,
А свиток — белее завес в Соломоновом Храме.²²

О, нет, не окурена песня ни амброй, ни миррой, —
Сама она — мирровой столп, восхищение мира!

Кто строки видал из огней драгоценных камней,²³
Пока не взглянул на письмо это — стихотворенье?

Как в свитке пергаментном искрам находится место,
А он не сгорает, как если бы был из асбеста?!

Послания этого сердце мое не забудет —
В нем каждое слово сохранным навеки пребудет...

* * *

Толковали мне века сыны мои сны²⁴ —
Мол, утехи и радости мне суждены.

Но достались мне от надежд и страстей
Лишь сердечная боль, да ломота костей.

Видел я налитые колосья во сне,
А достались пустые, иссохшие мне.²⁵

И остался я в мире без близких, один —
Сын печалей и бедствий тревожных годин.

А от всех тех утех и от радостей тех
Никогда ни плода не вкушал как на грех.

Но зато иногда как бывал бы я рад,
Коль письмо мне прислал бы душевный мой брат,

И любовью мой дух укрепился бы вновь,
И от бездны спасла б меня друга любовь.

Обещание встречи ты не оправдал.
Где ж сердечные речи, которых я ждал?
Дорог мне твой привет — не твое серебро,
Не хрусталь и не золото, — писем добро!
Что от времени требовать мне, наконец:
Новой жизни уже не испросит мертвец.
Мне же только узнать бы из дружеских строк,
Что и мощь и величье души ты сберег.

ЭТО НЕ ДОЖДЬ²⁶

Это не дождь, что пролился из тучи, —
Хлынул из глаз моих ливень кипучий!
Как бы друзей моих вздох мой не сжег,
Не потопил этот слезный поток.
В сердце — костры! Но вы видите чудо?
Бурные реки стремятся оттуда!
Если б вы знали хоть малую долю
Мною испытанных горя и боли!
Долгом давнишним я отягощен —
Телом и духом он не возвращен.
Стану былые оплакивать годы —
Юность, разлуки, скитанья, невзгоды, —
Сердце от скорбных раздумий, забот
Словно бы холодом вдруг обдает.

Дни нам недвижны казались, но мимо,
Мимо текли они неуловимо.

Мы, как моряк, что глядит с корабля,
Мнит, что плывет не корабль, а земля.

Дни, отмелькавшие смутными снами,
Даже во сне кочевали за нами.

Те, что мечтой о разлуке прельстились,
Вновь на неожиданных дорогах сходились.

Тем, что мечтали о встрече, пришлось
Мимо, как пьяным, проследовать врозь.

Отдано веку в заклад благородство,
Рабски признавшее века господство.

Нашему веку кто нужен и люб?
Лишь негодяи! Для них он не скуп!..

В сердце мечта расцвела об отъезде —
Как же могу я остаться на месте?!

Жизненной силы иссяк бы запас, —
Друга привет меня вовремя спас.

Здравствуй же, друг мой, что шлет ежедневно
Через посылных привет мне душевный!

В книгах твоих — золотые листы,
Дружба их плющила, а не персты.

Видом каков я? — ты задал вопрос, —
Правду ответить мне горько до слез:

Лет молодых потускнели картины,
Облик поблек, все обильней седины.

Был, словно месяц, я светел лицом,
Стал, как безлунная ночь, я потом.

Был, как заря, я в те годы румяным,
Время окрасило мраком сурьмяным.

Встретишь невольников рабской любви, —
Преданносердными их не зови:

Лишь только ухо проколет им шило,²⁷
Жар их любви — как водой потушило.

Низкой изменой, Господь сохрани,
Сам никогда не прельстись, как они.

Знай: ту любовь, что нам правда взрастила,
Вырвать не могут ни время, ни сила.

Друг твой всегда о великом мечтал,
Тщетно великих деяний он ждал.

Сферу небес повернуть нам нельзя ли,
Прежние зори чтоб вновь засияли?

Стой нерушимо на все времена,
Мудрости крепость! Твои имена

В наших сердцах — как печати,²⁸ и вечно
Жить будут в памяти нашей сердечной!

★ ★ ★

Я дружбой клянусь, эту рану разлуки
Излечит лишь встречи желанной бальзам.
Мне светочем был он, но вспыхнули муки —
И солнечный свет стал не в радость глазам.
Мне память о нем так сладка и отрадна,
Но память разлуки с ним — зверь беспощадный.

К ВОЗВРАЩЕНИЮ ИЗ АРАГОНА ШЛОМО ИБН-ФАРУСАЛЯ²⁹

Отсутствием долгим всем верным друзьям
Немало убавила дней чаровница.
Пленительный цвет ее щек не поблек,
И солнце ее красоты не затмится.

Она так нежна, и стройна, и тонка —
Браслетом свой стан охватить в состоянье.
Блеснет под накидкой хоть краешек лба —
Затмит он луны златоликой сиянье.

Хоть разоблачится она донага, —
Ее красота ей одежды заменит.
От смертников страсти — привет госпоже,
Привет одного из рабов да оценит!

За ночь наслажденья я душу отдам.
Пленили весь мир ее властные чары.
Лобзанья ее запивал бы вином,
Вино — поцелуйной рубиновой чарой!..

Но вот она бережно лютню берет
И держит, как мать дорогого ребенка,
И словно в уста его хочет вложить
Слова своей песни взволнованно звонкой.

Запела она о разлуке. И вдруг —
Так голос возвысила в скорби горячей,
Так слез-хрусталі покатались из глаз,
Что сам уже плачу, и слез я не прячу!

Что с ланью прекрасной?³⁰ — Иль разлучена
Она с Соломоном-вельможей надолго?
Он в странствие отбыл, достойно неся
Высокое бремя и власти, и долга.

Уехал — и города лик помрачен,
Но вновь озарится от края до края,
Когда, возвратившись, он вступит в него,
Ликующий прах городской попирая.

Земля его жаждет, любовью больна,³¹
Но лишь он приблизится, боль ее схлынет.
Поникла с отъездом — с приездом его
Забудет разлуку, и скорбь ее минет.

Воссядь на свою колесницу, мой вождь,
Не мулы в нее впряжены, а Плеяды!
Пусть пышною тогою славы князей
Твой хвалится век, — обольщаться не надо:
Князьям лишь подол этой тоги пристал,
А ты ожерельем на ней заблистал!

* * *

Земля, как младенец, сосала осеннюю влагу,³²
Что туча-кормилица щедро лила ей на благо.

Сравню еще землю с невестой в осенней темнице,
В ту пору, когда ей любовь обольстительно снится.

Алкала любви она страстно, и неги, и пыла,
И лето настало — и страсти пора наступила.

Земля в златотканый наряд облачилась — и рада,
Как девушка, пощеголять красотой наряда.

Наряд за нарядом меняет она ежедневно,
Даря их окрестностям, как приближенным царевна.

Окраску цветов изменяет она что ни утро,
Рубин и топаз рассыпая взамен перламутра.

Тут белым, там синим она распестрится иль красным,
Лобзая лобзаньем счастливой красавицы страстным.

Цветы ее великолепны! Мне кажется даже,
Что звезды небесные стали тут жертвами кражи.

В садах закурчавились лоз виноградных аллей,
И грозди свисают, любовным огнем пламенея.

Как лед, их прозрачная кровь, охлажденная в яме,³³
Но только глотнешь — и в тебе она вспыхнет, как пламя.

Расплавленным солнцем хранит ее грубая глина,
Подставишь хрусталь — заструится оно из кувшина.

Пройдемся тенистой стезею, заросшей лозою,
Обильно омытой чудесной небесной слезою.

Дробится слеза дождевая, а лозам веселье, —
Алмазное будто рассыпалось вдруг ожерелье.

И, ласточки писк услышав, ты и сам возликуешь,
Как будто живительный сок этих лоз ты смакуешь.

И, радуясь, внемлешь ты чуткой душой умиленной
Воркующей горлинке, в горлика нежно влюбленной,

Что резво летает, и кружит, и крыльями машет,
Как дева, что с песней веселой за пологом пляшет...

Подуй, ветерок на заре, исцели от недуга,
Повей благовонным дыханьем далекого друга!

И вот ветерок уж резвится в листве ароматной,
В далекую даль унося ее дух благодатный.

И мирт, распушив свои ветви, шурша опереньем,
Под ветром колеблется, птичьим взволнованный пеньем.

Листом по листу ударяя все чаще, все хлеще,
Красавица-пальма, склоняясь, кому рукоплещет?

И плеск, и поклоны не в сторону ль друга, чье имя
Утехой звучит меж своими и между чужими?

У всех благодетелей доблести есть и пороки,
И лишь Исаака ничьи не коснутся упреки.

Чуть вообразю его голос — блаженствует ухо,
Припомнится облик — вступаю на празднество духа.

Но если бы снова я мог лицезреть его в яви,
До гроба служил бы я песней ему, не лукавя.

С тобой, Исаак, мой язык лицемерить не станет
И песни слагать в твою честь никогда не устанет.

Обет я даю, что язык мой не смолкнет: покуда
Стучать будет сердце, тебя славословить я буду!

Зачем восхвалять твои доблести — те или эти ль, —
Ведь славы достойна любая твоя добродетель!

О, великодушье в тебе свой шатер укрепило,
А мудрость вокруг охранительный стан свой разбила.

Напился ты досыта влаги познания сладкой
И к тайнам последним уже подступаешь с разгадкой.

Да, мудрость свила в твоём сердце гнездо, и любовно
Она тебя нежит, и тешит, и предана кровно.

Богатый потомством, ему завещаешь в наследство
Тот дух благородства, которым отмечен ты с детства.

Пусть внуки и правнуки старость твою украшают,
И облако милости пусть их всю жизнь орошает!

Я предан тебе всей душой,³⁴
Ты — клад благородства большой,
И узами дружбы с тобой
Навек я связан судьбой.

Я славлю каждый твой стих,
И слава всем песням твоим,
Что ввысь на крыльях своих
Любовно вознес херувим.

Ведь в книги свои ты б не мог
Вместить этот мир красоты,
Когда бы перо Свое Бог
В твои не вложил бы персты.

Живителен слов твоих дождь,
Их свет исцеляет печаль.
Орлиных бы крыльев мне мощь —
Взлетел, улетел бы я в даль,

В даль, к милым, что так далеки,
Там, в сферах небесных уже, —
Но хоть далеки, а близки:
Что ближе, чем в сердце, в душе?

ДНИ ГЛУПЕЕ НЕ СТАЛИ³⁵

Дни глупее не стали, не стали мудрее,
Но бегут их колеса, бегут все быстрее.

Ждать добра или правды от времени злого —
Что беззвездною ночью ждать света дневного.

Упрошу ли, смогу ли я время заставить
Хоть немного помедлить, чуть скорость убавить!

К современникам брошусь я в день затрудненья,
А в ответ мне пинки, оскорбленья, глумленья...

Разобраться в их прошлом я смог еле-еле,
Но они его снова запутать сумели.

Разве честно судили они, справедливо,
А не ради корысти, глумливо и лживо?

Тщетны клятвы их все, оправдаться попытки —
Мало ль было обобранных ими до нитки?!

Но из них ни единый оправдан не будет:
Смерть их всех по заслугам сурово осудит.

О, лукавцы, так сыты своими трудами, —
На кого лишь трудились — не ведают сами.

А кто силился вытащить из лихолетья
Длиннополый свой плащ — обессилели эти.

Быть, как звезды, ужель человеку обидно:
Выше на небе, ниже ль — их все-таки видно!

Как холмам не трястись мелкой дрожью, коль скоро,
Содрогаясь, могучие рушатся горы?

Разумей: украшенья любви золотые
Оскверненьем не лягут на наши святыни.

Развернулись тут горестей мертвые степи,
Но свернулось все небо их великолепья.

И ушли они с мест в неизвестные дали —
К тем, о ком не гадали и где их не ждали.

Как в Содоме,³⁶ есть праведный муж между ними,
Но не смоем с них грязь его славное имя!

Господин Исаак — их бесед средоточье,
Лишь о нем все их помыслы днем, как и ночью.

И, молясь о его долголетье и благе,
В честь него поднимают торжественно флаги...

Вспомнив дружбу его, сразу чувствую боль я:
То в сердечном шатре распадаются кольца.

Но на крыльях разлуки возводятся снова
Нашей дружбы душевной и свод, и основа.

С той поры, как узнал его, знаю поныне:
В лоне мудрости вскормлен, он чужд был гордыне.

Поучать властелина должна его притча,
Изречения его — златоустам добыча.

Им оседлана мысли стремительной птица —
Не отважится молния вслед ей пуститься.

Нужно ль именем мудрости мне тебя славить?
Ей же имя твое может славы прибавить!

Был расчет хитроумцев Испании ложен:
Из себя чтоб ты вышел, как шпага из ножен.

Но, когда ты сверкнул ослепительней молний,
Смертным страхом ты сразу их души наполнил.

Так снимай же завесу с лица постепенно,
Чтобы хоть не лишить их рассудка мгновенно.

А потомкам твоим небеса да удвоят
Мудрость, что от тебя они в жизни усвоят.

Озари и меня, вдохновив хоть немного
Жемчугами таланта — наградою Бога.

Оклеветаны строки мои кой-какие:
Будто рвал с твоих гряд я цветы дорогие.

Смесью золота и благовоний в избытке
Обольщают твои рукописные свитки.

Отступает еврейский в твоей эпистоле —
Оборотов арабских в ней слышится боле.

О, не писчий тростник — благовонные стебли³⁷
Кинамона теперь для письма нам потребней.

Оглавляем свой труд не строкой стихотворной,
А сурьюмою чертим глаз красавицы черной.

Пишем, давние свитки на свет извлекая,
Свой калям не в чернила, а в юность макая.

Самоцветы их слов с Моисеевых дланей,
Иль души Аарона вошло в них сиянье?³⁸

Словно неопалимый кустарник Синая,³⁹
И посланья твои не сгорают, пылая.

В их парчу облачились стихи благородства,
В прах отбросив пустых побрякушек уродства.

Пусть высокие горы склонят свои главы
Пред вершиной твоей поэтической славы!

★ ★ ★

Да не будет сегодня веселью конца,
И скорбящие да возликуют сердца,
Тень заботы чтоб здесь не коснулась лица

Старика седовласого или юнца,
Пусть поют и немые в честь дома-дворца!

В этот дом буду сердцем всегда я ведом,
И велик будет в славе своей этот дом!

Ветерок благодатный приятно подул,
Дверь приюта любви широко распахнул,
Чтоб душой истомившийся здесь отдохнул,
Ибо Бог Своим оком сюда заглянул.

Да стоит этот дом в благоденстве потом,
Да велик будет в славе своей этот дом!

Бог, как видно, предстателя нас не лишил,
Нашу честь утвердить он ему поручил, —
В этом нас убедил господин Самуил,
Дабы всем возвестили мы, кто б ни спросил:

Этот дом попечительством вышним блюдом,
И велик будет в славе своей этот дом!

Освящения дома напевы плывут,
Тут ни веру, ни преданность не предадут,
Божью милость и помощь его обретут
И в любви заживут люди чистые тут.

И душа возликует в восторге святом,
И велик будет в славе своей этот дом!

Ваш покой нерушимым да будет всегда,
Для бесед так желанна нам ваша среда,
Ваша радость на радость и нам, господа,
Да войдут мир и счастье навеки сюда,

И пускай стар и млад возвещают о том,
Что велик будет в славе своей этот дом!

* * *

Что бояться мне людей, когда
Дух мой львов свирепых устрашает?
Не беда — жестокая нужда,
Все невзгоды мудрость украшает.
Пусть крута ее вершин гряда,
Я взойду и, не шадя труда,
Много в ней алмазов я отрою.
В ней всегда готова мне еда,
Для меня ее ключей вода.
Затоскую — лютню я настрою
И печаль развею без следа.
С другом как беседовать я буду,
Не вкушая мудрости плода?
Я волью в перо тех звуков чудо.
Книги — сад мой. Тем душа горда!

* * *

Совершенство красоты,⁴⁰
Щедросердьем славен ты,
И тебя не опорочат
Клеветнические рты.

Мне — нектар твои слова,
Речь твоя — шербет, халва.
У меня от нашей дружбы
Стала выше голова!

Побратались мы давно,
Мой ли, твой карман — одно.
Окажи мне милость друга
И подбрось ее в окно.

С четырех начну, а там —
Доберусь и к семистам,
Если ты решишь загадку,
Долг поклоном я отдам.

* * *

Это что за сияние в доме моем?⁴¹
Господин — мой друг — вошел в этот дом!

Золотой водой окропил ты меня,
Кубком полным огня мой дух опьяня,
Словами любви меня воспламеня.

Красноречьем ты сердце мое подкупил,
Острым блеском ума меня ослепил.

Как искрится чара твоя горячо,
Самоцветами брызжет в лицо, в плечо,
И сиянье все ярче и жарче еще!

Чаша кружит, мелькает быстрее, быстрее,
Вот она убегает, вот — в длани моей!

О сколь памяти сладок такой человек!
Это сердце — благих откровений ковчег,
И прославлено гимнами дружбы навек.

Словно я ожерельем украшен тобой,
Ты — мой ключ к тайнописной загадке любой.

Возвышенья твое — мне продленье лет,
Мне твой образ бесценный — священный свет,
И тоска по тебе — мне любви амулет.

Уловя кинамонный твой аромат,
Колокольчик мой издалека тебе рад.

Грустной ночью, когда не привидится мне
Твой сияющий образ, соперник луне,
Буду песней к нему я взывать и во сне!

О мой вождь, сколь мой жребий печален, тяжел:
Ты исчез так внезапно. Зачем ты ушел?!

НА СМЕРТЬ ДРУГА⁴²

Не день веселья ныне —
День плача и унынья,
Пиши: день смерти Иосифа.

Немая боль во взоре,
Крик ужаса и горя —
Явились братья Иосифа.

Звезда зари померкла,
”Что тебя с неба свергло?” —
Спросите у Иосифа.

Оделось в траур небо,
Столь мрачным полдень не был,
Как в день кончины Иосифа.

Опора поколенья,
Он жертва безвременья:
Наш век не понял Иосифа.

Живой, в зенит был поднят,
Но в яму, в прах сегодня
Зароем труп Иосифа.

Всех мудрых предводитель,
Всех юных просветитель, —
Сироты все без Иосифа!

Кто впредь узлы развяжет,
Решенья нам подскажет,
Кто нам заменит Иосифа?

Слез проливая реки,
В небытие навеки
Передаем Иосифа.

Заламывая руки,
Стеня, крича от муки,
Рыдает дочь Иосифа.

Она кричит в надежде,
Что, может быть, как прежде
Услышит слово Иосифа.

Добра он делал много:
Хитон сменила тога
Благодеяний Иосифа.

Избранник он небесный,
Круг ангелов чудесный
В рай вознесет Иосифа.

Да упокоит с теми,
Кого призрел в Эдеме,
Бог чистую душу Иосифа!

IV. ЛЮБОВЬ

★ ★ ★

Красавица, оправив ожерелье;
Открыла пир. В саду шумит веселье,

И замирают мирты в восхищенье,
Вдохнув ее духи и умощенья.

В зеленых кущах взорам так приятны
Лампад зажженных розовые пятна,

А солнце, погасив последний луч,
Сад накрывает ворохами туч.

★ ★ ★

Ты мирт, что в Эдеме расцвел благовонно,
Ярчайшая ты среди звезд Ориона.

Духи и куренья прислал тебе Бог,
Он создал их Сам — не духмяник ученый.

Мирт запах у горлинки нежной украл,
Покуда она ворковала влюбленно...

Не спрашивай, скоро ль рассвет, — ведь она
Тебя не спросила, взошла ли луна.

★ ★ ★

В день, когда сходятся в небе заря и луна,
Благоуханиями вся природа полна,

Мир весь от края до края сияньем затоплен,
Не омрачится ни облачком голубизна.

Радость влюбленным, повсюду в тот день ликования,
Светлыми крыльями весело плещет весна.

Так возликуй же и ты со своею царевной,
С ней, что, как солнце, ясна, и нежна, и страдна, —

Ведь на коврах ее ложа, на свежей постели,
Ждет тебя жаждущих персей ее белизна!

★ ★ ★

Горлинка в миртах жалобно стонет —
Сердце мое неужели не тронет?

Голос твой так умиляет меня,
Скорбь и тоску твой голос разгонит.

Страсть моя вспыхнула с новою силой,
Чтобы ничто ее не погасило.

Душу на твой произвол отдаю,
Хоть и сгубила б ты душу мою!

★ ★ ★

В тебя, газель моя, влюблен,
Пленен тобой и заклеямен.

Клянусь, что нет тебя прекрасней
Средь женщин всех земных племен!

Ем яблоко — и словно сладким
Твоим дыханьем упоен:

Оно — твоей груди прообраз,
В нем твой румянец отражен.

Во славу измены твоей — объяви
Войну оскорбленной тобою любви.

Бессонных ночей моих пламя раздуй,
Отравой смертельной тоски отрави.

Тебе опостылел — и сам же себя
Я возненавидел. Не мучь — умертви!

Я стану рабом твоим, но колесо
Разлуки безжалостной останови!

Одром наслажденья стань, мук моих одр,
А ты меня медом любви оживи!

О, если б на рассвете
Меня унес бы ветер
За той, кого лобзает,
Чей стан ласкать дерзает,
И чтобы ей доставил
Стих, что ее прославил, —
Упрямства стало б меньше
В прелестнейшей из женщин,
Обретшей тихий жребий
С Медведицей на небе.
Яви же милосердье
Ко мне, на грешной тверди,
Иль сам хоть на Большую
Медведицу взлечу я!

ГОЛУБКА НАД ВОДОЙ¹

Голубкой над водною гладью
Любуюсь, на озеро глядя.

Добро, серебро — наживешь!
А где же голубку найдешь,
Чей ангельский образ похож
На образ Иерусалима!

И где же ей, милой такой,
Найдется просторней покой,
Чем сердце мое, — дорогой
Голубке моей любимой?!

Я — пленник ее грудей,
Чарующих очи людей,
И ни один чародей
Тех чар ее не одолеет!

Кто камень волшебный видал?
То — лик ее лалом вспылал,
То — мраморно-белым он стал,
Белеет и снова алеет.

Ты яд преврати мне в бальзам.
Тут платят за жен женихам,
А я тебе сердце отдам —
Оно всех приданных богаче!

Со щек твоих розы сниму,
Гранаты в ладонях сожму,²
Губами-щипцами возьму
Я губ твоих уголь горячий!

С тобою светло и в ночи,
Как свет незатмимой свечи,

Красы твоей светят лучи,
Твои ослепительны чары!

А другу подруга нужна:
Скучают один и одна.
Ты верная будешь жена,
И лучшей не сыщется пары!

* * *

Офра белье стирала в слезах моих очей,³
Перед собой его для сушки разложила.
При паре глаз моих не нужен ей ручей,
А солнцем глаз своих она белье сушила.

* * *

Обаянье лани и рычанье львицы⁴ —
Быть того не может, бредни, небылицы!

Да, как львица, злится и терзает хищно,
Но целует так, чтоб жертве возродиться.

Не рычанья львицы — плена обаянья
(Сердце льва имей!) нельзя не утрашиться.

Жизнь и смерть моя в ее руках. Прикажет —
В тот же миг согласен жизни я лишиться!

* * *

Красавица ночью меня посетила:
Сияло лицо, как дневное светило,

Прикрыта волос золотою фатой,⁵
Сквозь золото прелесть румянца сквозила.

Казалось, туманность ночных облаков
Заря обагрила и позолотила.

Как солнце яркий, солнцем жарким
Твой лик блеснул из-под кудрей.
Раба любви к тебе, больного,
От уз освободи скорей!

Когда б тебя ревнивый век
От всех влюбленных скрыть решил,
Я сердце бы свое навек
Тебе в спасенье предложил.
Тогда б тебе ни человек,
Ни век утрюмый не грозил.
Когда забуду образ твой,
Забуду, значит, солнце я.
А мне до века дела нет,
Ты — страсть моя, любовь моя!

Ты укорижною немой
Больного сердца не кори.
Ты ангел ли, спаситель мой,
Иль мой убийца изнутри?
Я смерти обречен тобой,
Вот голова моя — бери!
Клянусь, не обману тебя:
На свете мало я живу,
Но, чтоб твоя продлилась жизнь,
Свою охотно я прерву!

Твои уста — бальзам в меду,
Ужель я к ним не припаду?
Поверю я в свою звезду,
Когда я гнев твой отведу.
Но с милосердьем, на беду,
Твой взгляд жестокий не в ладу!
Ты вправду ль за мою любовь
Мне хочешь голову снести?

Нет, нет, мне сердце говорит,
Что ты пришла меня спасти!

Так обольстительно лишь Бог
Слить мрак в тебе со светом мог.
Он, сотворив тебя, изрек:
"Сопряг я Запад и Восток".
Стеречь красы твоей порог
Поставил скорпиона Бог...
Но знай: блеснешь ли ты парчой,
Или убранства красотой,
Роскошнейший наряд — ничто
Перед твоею наготой!

Где красоты красот расцвет,
Там в ожерельях пользы нет:
Как шею целовать? О, нет!..
Саронской лилией в ответ⁶
Стих "Песни песней" был мне спет:
"Тебе не нужно украшений,⁷
Ты совершенства совершенней,
Я все сокровища с тебя
Сорву — и брошу в прах, любя!"

* * *

О, лань прелестная моя,⁸
Души давнишняя жилища,
Знай, чуть покинешь ты ее —
Смерть поспешит в ней поселиться!
Но чуть я подниму глаза —
Твоей красою просветлиться,
Как сразу на щеках твоих
Зашевелятся кудри змеями
И станут жалами грозить —
И подойти к тебе посмею ли?

Над сердцем каменным твоим
Созрели дивные две перси.
Они, как персики, нежны,
Но чуть их нежности доверься —
И два сосца, как два копья,
Пронзят ликующее сердце!
Сосут они, пьют кровь мою,
И, очарован кровопийцами,
Погублен насмерть буду я,
Двумя бесстыжими убийцами.

Законы Божьи ты, смеясь,
Попрать готова дерзновенно.
Хоть с умыслом убьешь меня, —
За кровь мою кто взыщет вено?⁹
Ресницы лани у тигриц
Видал ли кто во всей вселенной?
Приучены терзать сердца
Они, как когти беспощадные,
Чтобы всегда сыта была
Моя тигрица кровожадная.

Недавно, словно от вина,
Я пьян был от твоих лобзаний,
От присланных через послов
Твоих приветственных посланий,
От сказанных послам моим
Сердечных слов прекрасной лани:
"Благодарю вас, от него
С приветным словом приходящие!
Молю вас чаще доставлять
Его слова животворящие!"

Сегодня груди я твои
Ласкал, лобзая то и дело,
Вдруг слышу: "Руки убери!"

Ужель тебе не надоело?"
Но ты сказала это так,
Что сердце сладко помертвело.
Сказала ты: "Мой милый, знай¹⁰ —
Для всех слыву я недотрогою.
Так будь доволен! Ведь с тобой
Я не была чрезмерно строгою!"

* * *

Приветствую тебя, чей взор
Во мне разжег любви костер!

Светла, как солнце, и нежна,
Она меня лишила сна.
Зло иль добро сулит она,
Ждут меня плаха и топор,
Иль милосердный приговор?

Замучит — и животворит;
Лишив надежды, ободрит;
С улыбкой чуть заговорит —
Слова хрустально зазвонят,
А зубы жемчугом пленят.

Рыжевласая, чья стать,¹¹
Чей лик — соблазна благодать,
Как можешь хищной львицей стать?
Но кто я, что в твоих глазах,
И что тебе в моих слезах?

Мне, видимо, спасенья нет:
Щек твоих яркий, алый цвет —
Свидетельство, что в цвете лет
Меня ты алчешь погубить.
Знай, этот грех не искупить!..

В тот день обет она дала
Вернуть мне жизнь — и соблюла
Двум яблокам ее хвала!¹²
Коснувшись этих двух чудес,
Душой и телом я воскрес!

Прильнув ко мне, она меня
Ласкала до заката дня —
И, горько плача и стня,
Ушла...¹³

* * *

Плененный бессердечной¹⁴
Красавицей, навечно
Я стал порабощен,
Жестоко угнетен.
Что гнев мой, что мой стон?
Горю и корчусь тщетно
Я в страсти безответной.

Нет утешенья мне:
Сгорю ли в том огне,
Погибну ль в западне —
В бессилье рабском мучась,
Свою предвижу участь.

Все ж тайная мечта
Внушает мне, что та,
Кем в плен душа взята,
Любовь мою оцени,
Свой гнет на милость сменит.

Я волю дал мечтам,
Как страсти волю дам,
Припав к ее устам,

Где пруд синее чистый
И птицы голосисты.

Вот осень отошла —
Хвала любви, хвала!
Да будет нам мила
Вечерней чаши сладость,
Беседы дружной радость.

Как изменились дни!
На облака взгляни:
Не манной ли они
Нас осыпают, влагу
Роняя нам на благо?

Вам, правды не тая,
Признаюсь я, друзья:
Сегодня грустен я:
Забудем же печали¹⁵
В саду с вином в бокале!

* * *

Владычица, не осуди!
К моей печали снизойди,
От злой напасти огради!
Не спеши, не спеши, не спеши
Стать убийцей моей души!

Униженного пожалев,
Смягчись и укроти свой гнев,
И зло добром преодолев,
Сократи мой пост, сократи,
Что положено мне — уплати.

Не будь глухой к моей мольбе!
Прижмусь губами я к тебе
И этим жизнь верну себе.
Ни одной нет души, ни одной,
Убиенной умышленно мной!

Чем я скупую устрашу?
Чем я покорность ей внушу?
— Хоть сон верни мне! — я прошу:
Хоть во сне, хоть во сне, хоть во сне
Ты б любовно прильнула ко мне!

К ее устам тянусь — она
Вмиг отшатнется, смущена,
И то — красна, то вдруг — бледна.
А я жду, я все жду, я все жду
Конца девичьему стыду.

А если запоем с тоски —
Изрубит печень мне в куски.
Ах, губы наши так близки!
И вдруг, и вдруг: "Мой милый друг,
Целуй и сердцем возликуй!

Целуй меня, целуй в уста,¹⁶
Целуй — твоя сбылась мечта!"

* * *

Сердце мое, как козленка, зарезали!¹⁷
Сердце твое из кремня, из железа ли?

Как я просил: "Отпусти!" — не хотела,
Силой душою моей завладела,

Но поцелуй даровав мне прощальный,
Выпила дух мой. Ушел я печальный.

Плача, я по двору шел без оглядки,
Капель кровавых роняя остатки,

И за ворота, как в край отлучения,
Скорбно шагнул я козлом отпущения.

КАК ТЫ ПРЕКРАСНА!

Как ты прекрасна! Дивное дело:
Не от вина ты так опьянела!

Куда бы ты ни держала путь,
Молю тебя — милосердной будь:
За взгляд восхищенный, чей он ни будь,
Казнить смельчака чтоб не велела!

Зачем под густым покровом ты
Свои прелестные скрыла черты
И лицезренья такой красоты
Лишила всех нас — и не пожалела!

С тобою встретившись, любой
Мужчина, если он не слепой,
Не очарован ли будет тобой:
Нет силе твоей красоты предела!

”Мой милый! — воскликнула вдруг она
Я страстью к тебе воспламенена!
Лобзаний, ласк, а не вина,
Так ждут, так жаждут душа и тело!?”

Я — баловень счастья! Друзья, пойдем
Попировать в вельможный дом,
Чтоб и непьющих в доме том
Вино веселья одолело!

ВИНО ЛЮБВИ

Вино любви и алых уст вино —
Вино неволи.
Крепчайшее, сладчайшее — оно
Гонитель боли!

Кровь винограда для души — бальзам
Неоценимый,
А цвет его похищен — видишь сам —
Со щек любимой,

Когда она, от страсти опьянев,
Вся распалится,
Иль в ревности, раздув неправый гнев
Рычит, как львица.

Но гложет боль, когда она в шелках,
Вся — блеск соблазна,
Игрою рук зажжет вдруг на руках
Огонь алмазный.

Законники, гордыни знатоки!
Я — одинокий
Любви невольник, а моей тоски
Бичи жестоки.
Пути разлуки близкой далеки
И долги сроки.

Любовь моя — у вас в очах бельмо,
Моя же участь —
Носить покорно на плечах ярмо,
Любя и мучась!

В день нашей встречи душу примирю
С добром навечно.
Послов твоих я щедро одарю,

Чистосердечно.
Но если сердце я тебе дарю,
Будь человечна!

Завидуют тебе, звезде земной,
Небес светила.
О, если б ты, оставшись тут со мной,
Лишь мне светила!

Ради нее вам сил прибавит Бог,
О, мореходы,
Чтобы любой из вас ее берег
В час непогоды
И чтоб спасти ее от смерти мог,
Терпя невзгоды!

* * *

Зачем обрекаешь молчаньем на муки¹⁸
Злосчастливого друга, страдальца разлуки?

Ведь знаешь ты: большей мне радости нет,
Чем твой благосклонный услышать привет.

Но коль суждена нам разлука судьбою,
Помедли, пока налюбуюсь тобою.

О, тут ли я сердце кручине предам,
Иль пусть по твоим оно бродит следам?

Но не забывай же дни нашего счастья,
Как я ни одной из ночей нашей страсти!

И, как в сновидениях образ твой мне,
Тебе пусть предстанет мой образ во сне.

Меж нами расплещется слезное море,
Мне не переплыть к тебе, горе мне, горе!

Но чуть донесется шагов твоих звук —
И воды морские расступятся вдруг.

А буду в гробу я, — бубенчик веселый
Пусть так же звенит с твоего мне подола.¹⁹

И ты хоть из гроба меня позови,
Спрошу, не забыла ль ты нашей любви.

А что проливать мою кровь тебе любо,
Два верных свидетеля есть — твои губы!

Зачем извести меня хочешь? Ведь я
Полжизни отдам, чтоб продлилась твоя!

Когда я, мечтой о тебе воспаленный,
На ложе своем одиноким, бессонный,

Весь неразделенным желаньем горю, —
То сон свой твоим я ресницам дарю.

Горю я в огне моей страсти жестокой,
Несут меня слез моих бурных потоки.

То — горе, то — радость, смешение чувств
Скитальчества горечь и мед твоих уст.

Опутав мне сердце словами-сетями,
Его без ножа ты терзала перстами.

О, как мне улыбка твоя дорога:
В оправе кораллов — зубов жемчуга!

Лицо твое краше дневного светила,
Но блеск его тучей кудрей ты затмила.

Шелками прикрыта твоя нагота,
Но манит лукавых очей красота.

Твои украшения — искусства созданья,
Но нерукотворно твоё обаянье.

И солнце с луной, и созвездье Плеяд
С тобою давно породниться хотят,

А девы и юноши даже готовы
Пойти к тебе в рабство по первому зову...

Мне грезятся, снятся, в душе моей кроюсь,
Лишь зов твоих уст и набедренный пояс.

Я меда твоих поцелуев так жажду,
Вдохнуть бы грудей твоих нарцисс хоть однажды!

И пусть я десницы и шуйцы лишусь,²⁰
Когда наш любовный нарушу союз!

Тогда будь отравой мне воспоминанье
О сладком твоём, самом страстном лобзанье!

Честь женщин — их слава, и чувствую я:
Повсюду растёт теперь слава твоя.

В полях вождения страсти снопы,
Склоняясь твои лобызают стопы,²¹

Увижу ль тот день я, что мной предугадан:
Где ступишь, там амбра курится и ладан.

Пусть, если твой голос ушами не вмешаю,
Отдастся твой шаг в моём сердце сквозь землю!

Все жертвы свои помяни в дни поминок
И к жизни верни среди всех неповинных.

И душу мою, чтоб из брэнного тела
На крыльях любви за тобой полетела.

Коль время позволит, спроси на досуге
О любящем, горько тоскующем друге.

Я крепко надеюсь, что Бог милостивый
Вернет тебя в край твоей жизни счастливой.

* * *

Юная лань, ты, как видно, пьяна
От гранатового молодого вина.
Как тростник, ты гибка и, как пальма, стройна!

Да, ты опьянела,
Вся воспламенела.
Вина ль тут вина или юного тела?

Два граната на ветке одной.²²
Из-под накидки своей сквозной
На них не гляди, обойди стороной!

Ведь змей где-то рядом,
Ужалена гадом,
Душа погублена будет ядом!

Но не коснись тебя участь сия,
Мое сокровище, радость моя!
Люблю твою легкую поступь я.

От тебя благовонный,
Аромат кинамонный.
По тебе томится твой витязь влюбленный!

Навек очарован тобой одной —
Юною, лунною, но и земной,
Во дворец мой введу тебя дивной женой!

С тобой я возлягу
И, как райское благо,
Вкушу твоих уст медовую влагу!

Твой голос красив, как и облик весь,
Твоих достоинств пленительна смесь,
Истоки утра и вечера — здесь!

За волос твой черный,
За тело это,
Я славлю Создателя мрака и света.²³

Сиона дочь! Будет день такой:
Под балдахином обретешь покой —
И возликует Господь всеблагой!

Встань, оденься — в красе наряда
Гостя встретишь ласкою взгляда.
Солнце взошло — тебе оно радо!

* * *

Возлюбленный, в сад свой войди,²⁴
Стадо пастись приведи,
На это пастбище рая.
На роскошь цветов погляди,
Взоры свои услади,
Лилий цветы собирая!
Немало тут, кроме цветов,
Найдешь ты и сладких плодов.

Любимый, приди в мой чертог,
Со мной бы ты нежно возлег
На мягком пастбище рая.
Меж грядок алоэ в свой срок
Ты преступи мой порог,

Лилий цветы собирая!
Дарю два граната²⁵ — владей
Негой девичьих грудей!

Возлюбленный, друг дорогой,
Стучу в твой дворцовый покой,
Томлюсь на пастбище рая.
Как страстно ты левой рукой
Ласкаешь мне шею, другой —
Лилий цветы собирая!
А если возжаждешь, то вот
Источник чистейших вод!

Любовь в молодые года,
Меня привела сюда,
На это пастбище рая.
Вот лоз молодая гряда.
Придет и вину черед.
И, лилий цветы собирая,
Я рву за бутоном бутон,
Со щедрых стеблей анемон.

Ряды шатров так ровны!
Отцов своих знатных сыны
Выходят на пастбище рая.
С тенистой идут стороны.
Красивы, стройны и сильны,
Лилий цветы собирая.
Да будут наши сыны,
Всевышним благословлены!

* * *

О моем вы спросите здоровье —
Он ответит: "Не жажду крови!"

Но спросите душевной: "Так что ж,
Ты все прежним разбоем живешь?
Ты глаза ей слезами сожжешь!"

Пусть вернул бы он сна мне забвенью,
Я узрела б его в сновиденьи!

Он сердцем оправдан моим.
В раю моем страж — херувим,
С мечом он стоит огневым.

Запах щек его — сердцу услада,
Зовы взгляда — губительней яда.

Стрелы глаз его насмерть разят,
Прострелить мое сердце грозят.
Отступите, злорадцы, назад!

Пусть мой друг стал мне недругом, я же —
Я горда его гнетом даже!

Я все прелести мира отдать
Согласилась бы, чтоб испытать
Наших первых ночей благодать!

О, как часто из уст его жадно
Я пила нектар виноградный!

Да, был губ его кубок не скуп,
Я пила из рубиновых губ...
Ну, а ныне... хоть каплю одну б!

* * *

Юности радость любви суждена на роду:²⁶
Все ей веселье, живет, как в росистом саду.
Если тут судьбы сошлись двух влюбленных, ужель
не найду
Слов самых добрых, чтоб жить им до гроба в ладу?

Все тебя хвалят, жених, нам сосватанный зять,
Радуешь всех, красоту твою не описать.
Счастьем обласканный, на колесницу удачи воссядь,
Будет любовь твоя нам и в разлуке сиять.

Крепким вином новобрачия ты опьянен,
Песнями дружбы и плясками ты умилен,
Дни все и ночи живи, как захочешь ты, молодожен,
Веет с одежд твоих мирт, и алоэ, и кинамон.

Дом у хозяина дома будь крепок всегда,
Пусть он стоит на опорах любви и труда,
Будь твоя тихая старость обильем потомков горда,
Семя твое никогда чтоб не сякло, как в ведрах вода!

Множься твой род, как песок несочтимый морской!
Как он хорош, этот праздничный день дорогой —
День сочетания сына Денницы с прекрасной другой,
Яркой звездой²⁷ — заповедной мечтою мужской!

Где сочетались олень и красавица-лань,
Ум с красотой блеснут, как парчевая тканьь.
С пленных сердец ты собрал красноречья богатую
дань,
Слов искрометных ревнивым хранителем стань!

★ ★ ★

Льнет к ангелу ангел — так что же,
Мы смертных судить будем строже?

Их мысли — то вверх, то вниз,
Два сердца в одно слились.
Колесницы их чувств понеслись,
Грохоча по улице страсти.

Мы слезы желанья таим,
Как все, что дано лишь двоим,
Ни словом, ни взглядом своим
Не хотим помешать их счастью.

Спросите, что было со мной: .
Любовной захлеснут волной,
Забыл я о тверди земной —
И на сушу не вышел ни разу.

Взяла из садов красоты
Всех больше плодов себе ты.
Захочешь — тебе с высоты
Посыпятся звезды-алмазы.

Где плод вожделенья — там змей,
Не бойся его — разумея,
Что в яде соблазна — елей,
Бальзам от болей и услада!

Мы страсть одолеть не вольны,
И этих плодов лишены,
Зачахнуть мы оба должны, —
Вкусим же целебного яда!

Как мне избежать твоих чар?
Любовь твоя — дивный нектар.
Бушуй, нашей страсти пожар,
Я с нею боролась напрасно.

Мы избранным честь воздаем.
Кормилец корней — водоем.
Мы славу и радость поем
Чете благородно-прекрасной!

V. ПРИТЧИ МУДРОСТИ И НРАВСТВЕННОСТИ. НАСТАВЛЕНИЯ ДУШЕ.

★ ★ ★

Если эта жизнь тебе всего дороже,¹
И рабом страстей живешь, желанья множа,
Будь тебе примером взнузданный твой конь:
Приучись держать себя в узде поостроже.

Голове твоей пусть разум шлемом станет,
Благородство пусть, как пояс, чресла стянет,
Сердце ты в колчанах острословья прячь —
Пусть врагов твоих слова, как стрелы, ранят.

Стокое будь в борьбе со злом и тунеядством,
Нравственность и честь считай своим богатством.
Верхнюю одежду чаще оправляй,
Будь всегда одет разумно и с приятством.

Совесть — твой венец, а скипетр — правосудье.
Имя твое пусть любовно помнят люди.
Скор и легок будь по улице твой шаг,
И чужой, пустой не подражай причуде.

Снисходи ко всем, достойным снисхожденья,
Гнев не раздувай из искры раздраженья.
С каждой тварью тварью милосерден будь,
Помни: слово — лишь твой меч для отомщенья.

Относись к друзьям, как к господам законным,
Приравняй гуляк к баранам несмышленным.
О своих пороках спрашивай друзей,
Их упреки с низким принимай поклоном.

Все свои проступки признавай охотно, —
Каясь, откажись от них бесповоротно.
Ближних не спеши позором заклеить,
Если свой позор тебе скрывать угодно.

Можешь свой недуг лечить и ядом гада,
Но подальше будь от собственного яда.
Мудрецом большим сам не считай себя, —
Если кое-что скрывать от ближних надо.

Щедлость на одни посулы — не заслуга,
Не скупись в ответ на дар дешевый друга.
Если человеку хочешь ты помочь,
Помоги тому, кому не в силу туго.

На вопрос глупца ты не давай ответа:
Скажешь, а тебя он оскорбит за это.
Жемчугом своим ты должен дорожить
И бросать не надо в мусор самоцветы.

Ровен будь с людьми и к ним не безучастен.
Будь и к богачам, и к бедным беспристрастен.
В меру сытости дневную снедь готовь,
Над утробой, как над рабом, будь властен.

Если саном ты достиг высот подзвездных,
Поведи войну и против звезд небесных:
Если хватит сил, быть может, преуспеешь,
Если нет, умрешь средь нищих и безвестных.

Если в трудном деле у тебя сомненья,
Стариков спроси — они найдут решенье.
Дорожи советом опытных и мудрых,
В низком иль в высоком будешь положенье.

В дело, хоть большое, хоть и небольшое,
Ты вникай усердно и со всей душою.

Справедливость будь опорой всегда
Твоему господству над судьбой чужою.

Сыновей своих люби, их уважая,
К собственной душе их с детства приближая.
Помни, услаждаясь медом и вином,
Что тебя вскормили груди урожая.

Новое умей предвидеть издалека,
Не прости его — раскаешься жестоко.
Но не бойся встреч со временем своим,
И ни позади его не будь, ни сбоку.

Станешь похвалиться золотом в кармане,
Родичи любовь проявят и вниманье.
Сам же цену знай достоинствам своим:
Не позор своих достоинств пониманье.

Но не будь твоим кумиром накопленье,
Золота и дорогих камней приобретенье:
Ведь, когда умрешь, они не воскресят,
Даже и грехам они не искупленье.

Долга своего будь ревностный блюститель.
Твоему уму — властитель не учитель.
Обаянье ожерельем будь твоим,
Слову лжи язык да будет сокрушитель.

Ложь не молоти цепом лукавства шумным.
Не старайся быть насмешником бездумным.
Вспыхнувшему гневу воли не давай —
Безрассудный гнев не свойствен людям умным.

Бойся женских чар — коварство их извечно,
Если женщиной пленишься ты беспечно,
То не только вырвут бороду тебе, —
Разума, добра лишишься всеконечно.

Сердце и глаза — об этом помнить надо! —
Всех грехов истоки и соблазнов ада.
Воду из колодца собственного пей,²
Не влекись к лозе чужого вертограда.

С совестью скорее перестань лукавить:
Ведь вот-вот придется этот мир оставить.
Но пока живешь, его опорой стань, —
Только этим сможешь ты себя прославить.

Память о себе оставь благоуханной,
Прежде чем во прах ты ляжешь бездыханный
Если жаждешь ты найти сокровищ клад,
То найдешь в ученье этот клад желанный.

Разум сделай жизни действенным законом,
Помни о своем Создателе исконном.
К свету вечной жизни приготовь себя,
И Господь тебя сподобит светом оным...

★ ★ ★

Посмотрите, люди совести и чести:
Кто в чести у времени? Подлец!
Глупость вознеслась до самых до созвездий,
И унижен дураком мудрец!

★ ★ ★

Что доверить неверному веку? Увы,
Слишком короток день мой, трудам нет конца!³

Друг за другом следим и твердим: "Не грехи!"
А соблазны влекут старика и юнца.

Согрешив, сделай все же, что в силах людских:
Что творим, то творим лишь по воле Творца.

* * *

Раз ключ поэзии стал грязен, замутнен,⁴
Душе противно вновь к нему склониться.
Вернется разве лев на ту тропу,
Где стали бегать мелкие лисицы?⁵

* * *

Друзей люби от всей души,
Рассердишься — свой гнев туши.
Чти мудрецов: от их советов
Уму придут барыши.
И не глупи, и не греши,
Не будь благочестив излишне,
И все, о чем мечтал в тиши,
Да ниспошлет тебе Всевышний.

* * *

О, вы, что предались науке безделья,
Познанием Бога признав колдовство!
Вы мудрости чистый родник замутили,
Но я буду черпать и впредь из него.
Копить буду знаний богатство: быть может,
Скорей моих недругов зависть изложет!⁶

* * *

В лоне детства спящая, очнись!⁷
Юности отвеялась мякина!
Старости послы пришли — смотри:
В черноту волос вплелись седины!

Мусор века отряхни с себя,
Как росу отряхивают птицы.
От ошибок жизни и грехов
Вовремя сумей освободиться.

Ты пинков судьбы не замечай,
Суетности избегай шумливой,
К своему Творцу стремясь, взыскуй
Вышних благ — и станешь ты счастливой!

★ ★ ★

Мои деяния —
Страх воздаяния.⁸
Мои дерзания —
Самотерзания.
Ты грессишь, душа,
И дрожишь, греша!

За юные шалости —
Скорбь возмужалости.
К усопшим ни малости
Чести и жалости.
И прощения нет
Суете сует!

Зачем духовности
Земные условности?
В меру греховности

Мера виновности.
По делам своим
Я ныне судим!

Вопит вожделение,
Но нет утолнения.
Днем накопление,
В ночь распыление.
Мы сегодня львы,
А завтра — увы!

Но если ты строгою
Пойдешь дорогою,
Господней подмогою
Заслужишь ты многое.
А теперь не ропщи
И не трепещи!

★ ★ ★

Душа моя, вновь успокойся: отныне⁹
Господней сподобилась ты благостыне!
Из Божьих сокровищ ты миру дана.
Твой сон — не покой! Вспрянь, очнися от сна!
Иди на зов Бога! Дорога трудна,
Но трудность тебе не преграда!

Как все мои предки, я тут лишь пришелец.
Я — тень на чужбине, недолгий жилец.
И коль не теперь, то когда, наконец,¹⁰
Возможно спасенье из ада?

Но если Творцу твои помыслы верны,
И ты освятишься, очистишься от скверны,
Тебя озарит Его свет милосердный —
И в Нем тебе будет отрада!

Отвергни же мир суеты и тщеты,
Не верь в обольщенья напрасной мечты.
Приблизься без страха к Всевышнему ты —
И знай, что сказать Ему надо!

Отныне все чуждые страсти сломив,
Себя на служенье Творцу устремив,
Вернись, вернись в отчий дом, Суламифь,¹¹
Там новая юность — награда!

МОЛИТВА¹²

И всеми отвержен, не буду унижен,
Когда я к Создателю буду приближен.

Единый мой! Дал Ты мне душу и тело,
Внушил каждый помысел, каждое дело, —
Нет мощи и мудрости Божьей предела!

Кем, в грех вовлечен, буду в грязь я повержен,
Коль буду Господней десницей поддержан?

Господь мой! Быть ближе к Тебе я так жажду!
С прямого пути Твоего, не однажды
Сбиваясь в невзгодах, как тяжело я страдаю!

Молю, пощади, не суди слишком строго,
Ходить научи Твоей правой дорогой!

Уж смолоду я нарушал Твою волю —
И каяться ныне я должен тем более.
Спаси, исцели, дай забвение боли!

Я стар! О, возри на меня Ты сегодня,
Сподобь милосердной заботы Господней!

Душой угнетен, в страхе я постоянном,
Проклятия шлю всем соблазнам обманным,
Брожу, нищ и наг, окаянным, поганым.

Меж мной и Тобой, видеть свет Твой мешая,
Стеною вина моя встала большая.

Ах! В царство Твое допусти на служенье,
Божественной сути открой постиженье
И боль уврачуй, ниспошли утешенье! •

Избавь мою душу от пытки излишней,
Возри, и услышь, и откликнись, Всевышний!

* * *

Был ты радостью мира, пленял своим видом,¹³
Град великих царей, освященный Давидом!¹⁴

Душа по тебе истомилась и свято
Влечется к тебе от пределов Заката.

Как печален твой жребий, краса вся Востока!
Где же слава твоя? Ты разрушен жестоко!

О, кто даст мне, кто даст мне орлиные крылья,
Чтобы слезы смешать с твоей древнею пылью!

Это ль царственный город, что цвел в годы оны?!
Только змеи гнездятся тут да скорпионы!

Жаждет сердце мое целовать твои камни,
И в руинах твоих слаще меда земля мне!

* * *

Сиянье Твое все окрестности храма пугало,
Морская волна поникала, стихала, смолкала.
Возможно ль пред тайной Твоей устоять человеку,
Когда от нее пламенеют и рушатся скалы?!

Но если сердца человечьи в Тебе укрепятся,
Примкнут они к тем, чья душа благодати искала.
Поэтому, Господи, все прославлять Тебя рады,
Во веки веков, чтоб хвала Тебе не иссякала!

* * *

Солнце и луна — вселенной служат вечно,¹⁵
Смены дня и ночи кружат бесконечно.

И знаменье в том уразуметь могли мы,
Что народ мы вечный, мы — неистребимы!

Шуйца оттолкнет, приблизит вновь десница,
Чтоб отчаянием нам не соблазниться,

Чтобы вечно верить, что, как тьме и свету,
В этом мире нам исчезновенья нету!

VI. В СТРАНЕ ФАРАОНОВ

* * *

Погляди: вот они, города и селенья,
Что Израиля в древности были владенья.¹
Так воздай же Египту почет — и шагай
Здесь потише, исполненный благоговенья.
Эти улицы дух Божества обходил,
Косяки метя кровью в знак предупрежденья.²
Бог явил тут свой облачно-огненный столп,³
В изумление всем как залог вызволенья.
Тут союзников Божьих была колыбель,⁴
И народа его крепло тут становленье.

* * *

Вот время, сняв темной тревоги одежды,⁵
Оделось в нарядное платье надежды.

В шелка и парчу облачилась земля,
Расшитые золотом ткани стеля.

Луга и сады побережий пестры,
Цветущих оазисов ярки ковры.

Сверкают в убранстве своем золотом
Два города древних — Рамсес и Питом.⁶

Над Нилом — прибрежных дворцов красота,
И девы прелестны собой, как мечта,

Как лани, стройны их тела, как газели.
Но руки и ноги их отяжелели

От груза браслетов, запястий — и стал
Замедлен их шаг и младенчески мал.

Тут старость забудешь и нежно вздохнешь,
О юности дальней вновь грезить начнешь.

Тут, в этом Египте, в блаженном краю,
Над водами Нила, в наземном раю —

Садов и полей пред тобою простор,
И зелень, и золото радуют взор,

И ветер морской благодатно повеет,
И все пред Создателем благоговеет...

* * *

С бряцанием лютней пленительнострунных
Сливалось тут пение девственниц юных.

То черное око девичье, то локон
Выглядывали любопытно из окон —

И, с музыкою чередуя напевы,
Тут девы друг другу зывали: "О, где вы?"

Невинны их души, безгрешно их тело,
Как будто взрастила их дочь Бетуэла.⁷

Они, развлекаясь, не прихотью злою
Меня озорной подстрелили стрелою.

Но им ни к чему ни мечи и ни луки:
Оружие их — обнаженные руки!

Однако, изнежены, как в слабосилье,
Несчетных браслетов, запястий носили

Чрезмерную тяжесть все эти девицы,
Которым поднять было трудно ресницы!

Но если б на солнце взглянуть им, – пожалуй,
Оно б загорело и смуглым бы стало!

Как много светил нам дано небосводом, –
Светить им в веках и кружить хороводом!

И как не прельститься такой красотой,
Древесной ветвистостью, щедро густою

И душегубительными губами –
Кораллами над жемчугами-зубами,

С едва уловимой улыбкой лукавой –
Игривых красавиц невинной забавой –

Меж зарослей роз с ароматом волшебным,
Под сенью гранатов с плодом их целебным!

И что же сказать мне о пальмах гигантских,
Прельщенному стройностью дев египтянских!

Но ты, как безжалостный заимодавец,
Построже спроси у волшебниц-красавиц,

Как много влюбленных сердец тут разбилось
И чем убиение их искупилось...

VII. ЗАГАДКИ. ШУТКИ. ГИМНЫ ВИНУ

★ ★ ★

Вот тростника короткое звено.¹
Природой позолочено, оно

Зеленовато чуть, как человек,
Который мук любовных не избег,

Отважный сердцем, с пламенем в очах,
Кто, вождельнем съеденный, зачах,

Чье тело опустело, но живет,
И тощий стянут поясом живот.

Но недругов оно не пощадит,
И силачей могучих победит.

Как пьяницу влечет вино всегда,
Так черная влечет его вода.²

И, как в ручей кувшины — водонос,
Оно сует в колодезь острый нос.³

Клыки его по-львиному сильны,
Но если нет во рту его слюны,⁴

Оно в бессильной ярости тогда
Не выполнит желанного труда.

Пять у него советников — пять слуг,⁵
Любой из них — его вернейший друг.

Работой песен (славься их творец!)
Смягчается гнев царственных сердец.

**Войну и мир, трудясь, оно поет:
Что — обессмертит песней, что — убьет!**

* * *

**Кто на любой вопрос найдет ответ?⁶
Хоть бессловесен, мудр его совет,
Что изречет — то и вдали услышат,
И языка длиннее в мире нет!**

* * *

**А что за птичка, чья слюна черна?⁷
То — хороша она, а то — дурна,
То — слабосильна, то — как богатырь;
И, безголо́са, петь умудрена;
И ни жива, и ни мертва она,
Но даже духу зла порой страшна.**

* * *

**Оно легко, узко, оно, хотя и немо,⁸
А речь его сильна и в зло, и в славословье;
Но убивать оно предпочитает тихо,
Божественною истекая кровью.**

КТО ПЛАЧЕТ⁹

**И глаз не имеет, а все-таки плачет,
Чем больше — тем больше народ его хвалит.
А если давно уж не плачет, то, значит,
И старцев, и юношей — всех опечалит.**

* * *

Кто тот слепец, чей глаз во лбу?¹⁰
В ком род людской всегда нуждался,
Кто смертных одевал всю жизнь,
А сам навеки гол остался?

ОТВЕТ КРАСАВИЦЕ

В кругу подруг меня красавица спросила:
"Которая из нас тебя свела б с ума?"
Сказал я: "Если меч ты у мечты отнимешь,¹¹
Ответ на свой вопрос легко найдешь сама".

* * *

Меня легко избавила рука
От одного седого волоска.
И слышу я: "Ты победил пока,
Но я — один, а ведь за мной — войска!"

* * *

Не приглашен, лишь искушен,¹²
Но сам я к вам не стану лезть,
Пришел — не стыдно, ушел — не видно,
Хоть сесть, хоть есть — мне все не в честь!

* * *

Когда я вижу наглого глупца,
Что спорит, поучая мудреца,
Я так хочу напиться, чтоб лишиться
Рассудка навсегда и до конца!

* * *

Горек совести упрек,¹³
Велики мои страданья,
Но сам Бог меня обрек
На невзгоды и скитанья,
Если на свою беду
Я плоды Эдема ныне
Обменял на лебеду,
Хоть соскучился по дыне!

ГИМНЫ ВИНУ

1

Тобой всю жизнь я вдохновляться буду,
И влагу воспевать твою, как чудо.
Давно с кувшином побратался я —
Сосу нектар из милых уст сосуда.
"Ты пьяница!" — корят меня друзья,
И пристают с вопросами: "Докуда?!"
"Бальзамом Гилеада,¹⁵ — говорю, —
Врачую свой недуг, когда мне худо!"
Кто от кувшина отречется в этом мире,
Когда ему всего двадцать четыре?¹⁶

II

У пришельцев, у левитов, у сирот¹⁷
В праздники, обычно, пировал народ.
Вот и ныне праздник. Человек один —
Сирота, левит, пришельцем тут живет.¹⁸
Так утешь его тем, что охотно в рот
Льет беспутный люд и праведный народ.

* * *

Вот друга дом: войди в него с приветом,*
Бокал в руке заменит солнце светом.
Красно вино и в хрустале ясно,
И посрамит кораллы алым цветом.
Хрусталь за гранями его бы скрыть желал,
Но нет, и он не преуспеет в этом.
Оно в меня войдет — и грусть уйдет,
И связан буду с ним любви заветом.
И каждый тут по своему хорош,
Будь он певцом, лютнистом иль поэтом.

עירייה
מערכת ה...
מרכז תל...
בית ארדס...
מס. מלאי.....

415

*Это стихотворение перевел А.Газов-Гинзберг.

КОММЕНТАРИИ

1. СИОНИДЫ

¹ Одно из самых известных произведений Иегуды Галеви. Переводилось более шестидесяти раз на разные языки мира. В некоторых общинах его принято читать в синагогах 9 ава – в день поста и национального траура в связи с разрушением Иерусалимского Храма. Под узниками Сиона подразумеваются изгнанники еврейского народа, вынужденные томиться вдали от Земли Израиля.

² *Я в сердце ношу Бейтэль, Махнаим и Пенизль* – библейские места, связанные с жизнью праотца Иакова (Бытие, 28:19; 32:3,31).

³ *В Хевроне, главу склонив у славных гробниц твоих* – речь идет о пещере Махпела в Хевроне, купленной Авраамом у сыновей Хета для захоронения Сарры; впоследствии стала семейным склепом наших праотцев. Одна из святынь еврейского народа.

⁴ *И там, среди этих гор, те две – Аварим и Ор* – библейские места (как и упомянутый выше "седой Гилеад"), сыгравшие видную роль в еврейской истории.

⁵ *Где Храма развалины пусты средь пустынь твоих* – речь идет о разрушенном Иерусалимском Храме. В Святая святых хранился ковчег со скрижалями Завета.

⁶ *И мах херувимских крыл навек от очей укрыл / Ковчег со скрижалями, Святыню святынь твоих* – ковчег был украшен фигурами двух херувимов. Существует предание, что уже во времена пророка Иеремии скрижали Завета исчезли из Храма. Судя по Второй книге Хасмонеев, сам Иеремия спрятал ковчег со скрижалями от вавилонян до разрушения Храма.

⁷ *Как вспомню я Оголу – отраву, как воду, пью, / А вспомню Оголиву – и пьян я бедой твоей* – в пророческих видениях Иезекииля (23:4) Огола – Самария, а Оголива – Иерусалим.

⁸ Одно из самых известных стихотворений Иегуды Галеви, переведенное на десятки языков.

⁹ *Как исполню здесь, в чуждом краю, все заветы, обеты, зарюки?* – речь идет об обете поэта посетить Землю Обетованную, что было в ту пору делом исключительно сложным и трудновыполнимым.

¹⁰ *...гнет Эдома жестокий* – власть крестоносцев. Эдом – небольшое государство древности, населенное эдомитами, враждовавшими со своими северными соседями – израильтянами. Не только Иегуда Галеви, но и другие еврейские средневековые поэты использовали это название для обозначения христиан, в частности – крестоносцев.

¹¹ В оригинале – акrostих. Начальные буквы строк образуют имя поэта – Иегуда. Стихотворение в целом – восторженный гимн в честь Иерусалима.

¹² *Там в небе, летучи, /Вздымались куренья* – в Иерусалимском Храме во время богослужения воскуривали благоволия.

¹³ *Росою с Хермона / Придет избавление* – перекликается со стихами из Псалмов (133), где повествуется о благодатной росе Хермона, спускающейся на горы Сиона, на которых воцарится Божье благословение и вечная жизнь.

¹⁴ В оригинале – акrostих. Начальные буквы строк образуют еврейский алфавит.

¹⁵ *Спешу я укрыться / В тени Сириона* – имеется в виду гора Хермон, которую сидоняне называли Сирионом (Второзаконие, 3:9).

¹⁶ *Гляжу в эти дали – / Долину Видений* – речь идет о Иерусалиме (Исаия, 22:1).

¹⁷ *Где скрыты скрижали* – тайное место, куда пророк Иеремия спрятал ковчег со скрижальями Завета (см. комментарии 5, 6 этого раздела).

¹⁸ С этой горы Моисей обозревал перед смертью Страну Обетованную.

¹⁹ *Ты море спроси, что он рассек* – Чермное (Красное) море, которое расступилось перед евреями, когда Моисей выводил их из Египта.

²⁰ *И куст, что горел на Божьей горе – терновник, объятый пламенем и не сгоравший на горе Хорив, в Синае. Здесь Господь впервые явился Моисею и сообщил о его великой миссии по вызволению евреев из египетского рабства.*

²¹ *Тебя навестить я даю обет – заключительная строка стихотворения свидетельствует о том, что оно написано до поездки Иегуды Галеви в Страну Израиля (первая строка могла создать впечатление, что поэт уже достиг этой горы).*

II. МОРСКИЕ ПЕСНИ

¹ Из авторского примечания к стихотворению явствует, что оно было написано в период подготовки Иегуды Галеви к поездке в Эрец Исраэль. Мысленным взглядом обозревая предстоящий путь, поэт рисует в своем воображении бурю на Средиземном море, которое ему предстояло пересечь. При этом мастерски использованы некоторые образы из Псалмов (107), где речь идет о "ходящих по морю на кораблях", т.е. о мореходах.

² *И свой жребий продашь за горшок чечевицы?* – намек на библейский рассказ об Исаве. Вернувшись усталым и голодным после охоты, он, не задумываясь, продал свое первородство брату Иакову за чечевичную похлебку.

³ *Будь отважнее льва и быстрее оленя* – парафраз известного изречения из сборника назидательных притч и афоризмов (III век до н.э. – II век н.э.), "Пирке авот" ("Поучения предков"), входящего в состав Талмуда. Изречение это гласит: "Будь отважен, как леопард, легок, как орел, быстр, как олень, и силен, как лев, выполняя волю Отца своего небесного" (гл. 5, стих 21).

⁴ *Ты к Святая святых поспеши обратиться* – Святая святых – небольшая, отгороженная завесой часть Иерусалимского Храма, где хранились скрижали Завета и куда лишь изредка имел доступ первосвященник. Взоры молящихся были всегда обращены в сторону Святая святых.

⁵ *Вспомни Чермное море и вспомни о чуде, / Что во веки веков поминать будут люди* – поэт имеет в виду библейский рассказ об исходе евреев из Египта. Чермное (Красное) море разверзлось перед израильтянами, и они прошли по нему, как

по суше. Когда же египтяне ринулись им вдогонку, морские воды сомкнулись и поглотили их вместе с колесницами и всадниками.

⁶ *Воскресит мертвецов, плотью кости оденет*, – т.е. осуществится известное "видение" пророка Иезекииля (гл.37) о сухих костях, по слову Божьему облекшихся плотью, жилами, кожей и оживших.

⁷ Это стихотворение является окончанием предыдущего. Ввиду того, что нарисованная здесь картина ночного штиля резко отличается по средствам изобразительности от картин морской бури, переводчик изменил стихотворный размер отрывка и снабдил его самостоятельным заголовком.

⁸ *...в тот край, куда / Я заветной мечтой стремился всегда* – имеется в виду Эрец Исраэль – Земля Обетованная.

⁹ *Дикари-разбойники на челноках* – берберы. В стихотворениях Иегуды Галеви они именуются "филистимлянами" или "хеттами".

¹⁰ *Мне ль, Иегуде, Иегуду забыть?!* – внука поэта также звали Иегудой. Обычно у евреев имена даются лишь в память умерших родственников, но в средневековой Испании отмечены многочисленные отступления от этого правила.

¹¹ *Западом он на Восток гоним* – под "Западом" подразумевается западный ветер. Такого рода обороты обычны для еврейской средневековой поэзии. В своих "Морских песнях" поэт воздаст хвалу западному ветру, приближающему его к заветной цели, и горюет, когда дует восточный ветер, мешающий ходу судна.

¹² *Тут в гроб деревянный он заживо лег* – речь идет о судне, на котором находился поэт. Оно было переполнено сверх всякой меры.

¹³ *В его руинами ставшем дому* – развалины Иерусалимского Храма, Западная Стена (Стена Плача) которого и поныне является величайшей еврейской святыней.

¹⁴ Написано во время морского путешествия.

¹⁵ *Ты отдых найдешь у священных гор* – имеются в виду Храмовая гора, Масличная гора, гора Скопус и другие горы Иерусалима.

¹⁶ *Кто горы воздвигнул и создал ветер* – цитата из книги пророка Амоса (4:13).

¹⁷ *И ветру западному дуть / Вслед кораблю ты не мешай* – (см. также комментарий 11 этого раздела). В стихотворении виртуозно обыграны три значения еврейского слова "арави" – "западный ветер", "арабский" (в оригинале: "арабский гнет"; см. предпоследнюю строку перевода) и "моя гарантия" (в оригинале: Бог – гарантия поэта, что его цель будет достигнута; в русском переводе этот оттенок не сохранился).

¹⁸ *Чужбины гнет сними с меня...* – для уроженца Испании Иегуды Галеви его родина была в ту пору "чужбиной" и злой мачехой, ввиду гонений на евреев, а Эрец Исраэль он считал родиной.

¹⁹ Это стихотворение было написано во время морского путешествия. Поэт имсет в виду всемирный потоп, о котором повествуется в книге Бытия (гл.7). Он сравнивает с ним бурю, разыгравшуюся на море. Все образы стихотворения, включая "ковчег" (Ноев ковчег) и "гору" (гора Арарат, в данном контексте – Храмовая гора) ассоциируются у читателя с картиной всемирного потопа.

²⁰ *Разгневанный Левиафан...* – этот образ позаимствован поэтом из книги Иова (гл.41). Буря, поднявшаяся на море, – результат быстрого движения морского чудовища Левиафана, который заставляет "закипать" море. Пенящееся море напоминает косматые седины.

²¹ Публикуется лишь фрагмент стихотворения. В оригинале – акrostих: начальные буквы строф образуют имя "Иегуда". Хотя темой стихотворения служит описание бури, нельзя с уверенностью утверждать, что оно запечатлело личные переживания поэта во время морского путешествия. Тщательно анализируя словесную ткань стихотворения, некоторые исследователи склонны считать, что оно было написано еще до поездки Иегуды Галеви и вдохновлено стихами из Псалмов (107), о чем уже упоминалось выше (см. комментарий 1 этого раздела). Концовка стихотворения, которая не переведена, звучит оптимистически, что характерно для Иегуды Галеви.

²² *Сам пророк Моисей...* – основоположник иудаизма, с именем которого связан исход евреев из Египта и получение скрижалей Завета с Десятью заповедями на горе Синай. В

стихотворении поэт обращается также к брату Моисея первосвященнику Аарону и его сестре пророчице Мириам.

²³ Тут им Левиафан... – см. комментарий 20 этого раздела.

III. К ДРУЗЬЯМ

¹ Это стихотворение посвящено Моше Ибн-Эзре (1070–1139), выдающемуся поэту и теоретику стихосложения. Стихотворение написано в панегирическом жанре, весьма распространенном в еврейской средневековой поэзии.

² *Иль вспомнилось имя одно – Моисей, / Что молва по земле прославляет по всей?* – для возвышения своего друга и покровителя Иегуда Галеви использовал совпадение его имени с именем вероучителя Моисея. Характерный прием для еврейской средневековой поэзии, с которым мы будем встречаться неоднократно.

³ *А к плащу твоего превосходства пришить / Бубенцы этих рифм я прошу разрешить* – в книге Исхода (гл.28) сохранилось подробное описание одеяний первосвященника Аарона. К подолю его ризы были прикреплены золотые колокольчики, "чтобы слышен был их звук, когда он будет входить во святилище пред лице Господне и когда будет выходить..." Этот библейский образ и использовал здесь Иегуда Галеви.

⁴ Первая часть этого стихотворения – гневная филиппика против ограниченных и самодовольных богачей Севильи, среди которых поэту довелось жить в очень трудных материальных условиях. Начиная со строки "Единственный нашелся среди вас" – идет хвалебная ода в честь визиря Абу Альхасана (Меира) Ибн-Каманиэля, известного мецената, пришедшего на помощь поэту в тяжелые годы нужды.

⁵ *Кто древом жизни деньги признает, / Познанья древо в страхе оплоет* – здесь поэт использует образы библейского рая, в котором росли древо жизни и древо познания. Для коснеющих в невежестве богачей Севильи деньги – величайшая ценность на земле ("древо жизни").

⁶ *Вам мудрость – угля жгучего страшней* – по мнению богачей Севильи в учении и образованности таится большая

опасность. От знаний – одни лишь беды, подобно ожогам от горящих угольев.

⁷ *С какой поклажей справится осел... – имеется в виду поклажа (груз) знаний.*

⁸ *Скот пред стеной коленопреклонен, / А пред какой – того не смыслит он – подобно тому, как скотина растягивается у стены сарая, богачи Севильи во время молитвы обращают свои взоры в сторону Стены Плача и склоняются перед ней, не понимая, однако, смысла своих действий и слов молитв, которые механически произносят.*

⁹ *Мне древом жизни длань его была, / Познанья древом – слово и дела – эти строки противопоставлены 7-й и 8-й строкам стихотворения, где также говорится о "древе жизни" и "древе познания".*

¹⁰ *С достоинством, как митру Аарон – имеется в виду первосвященник Аарон, для богослужений надевавший особый головной убор – митру.*

¹¹ Это стихотворение написано в честь Ибн-Каманиэля (см. комментарий 4 этого раздела), в связи с его отъездом и вынужденным расставанием. Последние две строки стихотворения написаны не на иврите, а на арабском просторечии. Свои дружеские и любовные послания поэт часто завершал на разговорном арабском или даже на причудливой смеси арабского с испанским.

¹² Это стихотворение посвящено другу поэта Иосефу (Абу-Амару) Матка.

¹³ *Ведь эта песня – шило, чьим чудесным / Ты острием проколото словесным!* – поэт имеет в виду закон Моисея, изложенный в книге Исхода (гл.21), согласно которому раб-еврей на седьмой год должен быть обязательно отпущен на свободу. Но этот закон не относился к жене раба, если он получил ее из рук господина, и к их детям. И если раб, желая сохранить семью, отказывался от свободы, то полагалось в присутствии судьи подвести его к двери или косяку и проколоть ему мочку уха шилом, в знак вечного и добровольного рабства. Свои отношения с музой поэт уподобляет отношениям раба и господина, когда первый верой и правдой служит второму. Отсюда и вывод: *"И, значит, я остаться должен снова / Рабом покорным песенного слова"*.

¹⁴ Ответ на стихотворение, полученное от поэта Шломо (Соломона) Ибн-Гиата; сохранилось лишь два стихотворения религиозного характера. Публикуется с сокращениями. В ответном послании содержится, кроме традиционных для подобных стихов сетований в связи с разлукой, описание ночной бури, предрассветных сумерек и почтового голубя, который доставил письмо Ибн-Гиата.

¹⁵ *Когда против солнца луна ополчиться дерзнула* – здесь дается описание ночной бури, которая рисуется как заговор темных сил природы и луны против солнца. Ночное светило вздумало властвовать на небе, решив, что "солнце в закатных полях утонуло".

¹⁶ *Небесное стадо, что пас я, очей не смыкая* – в еврейской средневековой поэзии звезды часто уподобляются стаду, а человек, страдающий бессонницей и глядящий на звезды, – пастуху. В данном случае речь идет о самом поэте, который жалуется на бессонницу.

¹⁷ *Но как я завидую вечно сплоченным Плеядам* – в отличие от них, поэт разлучен с друзьями, как разобщены между собой упомянутые строкой выше звезды Большой Медведицы.

¹⁸ *Изменит ли черный свой цвет негритянская кожа? / Пятнистость пантеры и с неба не смывается тоже!* – это парафраз известного изречения пророка Иеремии (13:23): "Может ли эфиоп изменить свою кожу, а пантера – свои пятна? Так и вы можете делать добро, выученики зла!"

¹⁹ *И вот – ветерок, затаясь меж деревьев, случайно* – ветерок в еврейской средневековой поэзии – первый вестник приближающегося утра.

²⁰ *И то ли в ней мирры, то ль ладана в ней ароматы* – в ту пору было принято письма друзьям окроплять благовониями.

²¹ *Как ночь, ее строки...* – послание от Ибн-Гиата написано черными чернилами.

²² *Ряды этих строчек с кедарскими схожи шатрами, / А свиток – белее завес в Соломоновом Храме* – "шатры кедарские" (черные) и "завесы Соломоновы" (белые) – образы, заимствованные из "Песни Песней" (1:5) и символизирующие красоту.

²³ Кто строки видал из огней драгоценных камней – намек на скрижали Завета, с которыми сравнивается послание Ибн-Гиата. Согласно древней легенде белые огненные письмена заповедей были высечены на черном огненном фоне (в отличие от обычного письма черным по белому).

²⁴ Опубликовано в разделе посланий неизвестным лицам.

²⁵ *Видел я налитые колосья во сне, / А достались пустые, иссохшие мне* – парафраз знаменитого сна фараона о семи налитых колосьях, которых поглотили семь тощих колосьев, что предвещало семь лет неурожая (Бытие, гл.41).

²⁶ Как и предыдущее стихотворение, относится к посланиям неизвестным лицам. Публикуется с небольшими купюрами.

²⁷ *Лишь только ухо проколет им шило* – см. комментарий 13 этого раздела

²⁸ *...Твои имена / В наших сердцах – как печати* – характерный для еврейской поэзии образ большой преданности: в древности владелич именной печати никогда с нею не расставался и никому ее не доверял.

²⁹ Шломо Ибн-Фарусаль занимал видный пост в Кастилии. Стихотворное послание было приурочено к его возвращению из Арагона домой. Но в пути Ибн-Фарусаль был убит, и послание так и не было вручено. Так как убийство произошло 3 мая 1108 года, ясно, что публикуемое стихотворение было написано незадолго до этого. Таким образом, оно, в отличие от большинства других произведений Иегуды Галеви, датируется довольно точно. В первых шести строках стихотворения описывается разлука с "чаровницей", которая поет скорбную песнь под аккомпанемент лютни. Такое своеобразное вступление призвано усилить чувство радости в связи с возвращением долгожданного Ибн-Фарусалья в родной город, чему посвящена вторая половина стихотворения.

³⁰ *Что с ланью прекрасной?* – с этой строки начинается основная часть послания. Лань в еврейской средневековой поэзии – синоним возлюбленной.

³¹ *Земля его жаждет, любовью больна* – предстоящая встреча родного города с Ибн-Фарусалем изображается, как встреча возлюбленных, что соответствует обширному вступле-

нию, посвященному "чаровнице". При этом поэт использует лексику "Песни Песней" (2:5): "Я больна любовью", – слова Суламифи, влюбленной в Соломона. От того, что героя этого послания тоже зовут Соломоном, образная сила сравнения возрастает.

³² Это стихотворение, написанное в честь друга поэта Ицхака (Исаака) Аль-Ятома, распадается на две части – описание расцветающей летней природы (первые 40 строк) и восхваление друга. Поэт хочет показать, что не только друзья, но и вся природа ликует, когда он вспоминает Аль-Ятома.

³³ *Как лед их прозрачная кровь, охлажденная в яме – вино, хранящееся в погребах.*

³⁴ Стихотворение посвящено известному поэту-современнику Иегуде Ибн-Гиату, с которым Иегуда Галеви был много лет связан тесными узами дружбы.

³⁵ Стихотворение посвящено братьям-поэтам Моше и Ицхаку Ибн-Эзра. Публикуется с небольшими сокращениями.

³⁶ *Как в Содоме – древний Содом – город на берегу Мертвого моря, который, как гласит Библия, был разрушен огненно-серным дождем за грехи его жителей.*

³⁷ *О, не писчий тростник – благовонные стебли – все, что выходит из-под пера братьев Ибн-Эзра, настолько значительно, что писать это следовало бы особыми перьями, сделанными из благовонных стеблей.*

³⁸ *Самоцветы их слов с Моисеевых дланей, / Иль души Аарона вошло в них сиянье?* – речь идет о вероучителе Моисее и о его брате первосвященнике Аароне.

³⁹ *Словно неопалимый кустарник Синая – произведения поэтов уподобляются неопалимой купине.* В книге Исхода (гл.3) рассказывается, как Бог явился Моисею в пламени тернового куста, который горел, но не сгорал.

⁴⁰ Адресовано неизвестному лицу и написано, видимо, по конкретному поводу. Последняя строфа, где упоминаются какие-то суммы, а также строка "мой ли, твой карман – одно" дают основание предполагать, что речь идет о каких-то деликатных денежных взаимоотношениях.

⁴¹ Посвящено другу поэта Иосефу Бен-Цадику. Последние две строки написаны по-арабски.

42 Эта траурная элегия написана, как явствует из примечания, "на смерть одного из великих людей нашего поколения, которого звали Иосифом". Последняя строка каждой строфы – цитата (иногда с небольшими отклонениями) из знаменитой истории об Иосифе Прекрасном, которого братья продали в рабство. Он, однако, не только не погиб в неволе, но благодаря своему таланту разгадывать сны, стал первым министром фараона, и в трудные годы засухи и неурожая великодушно спас своих братьев от голода и гибели, простив им их недостойное поведение. С виртуозным мастерством пронизав стихотворение умело подобранными цитатами, поэт возвеличивает усопшего, как бы приписывая ему те же достоинства, которыми обладал его знаменитый тезка. Публикуется в сокращенном виде.

IV. ЛЮБОВЬ

¹ Свадебная песня, написанная в виде акростиха. Начальные буквы строк образуют фразу: "Иегуда Галеви, крепись!" Публикуется с сокращениями. Любопытно отметить, что в последней, опущенной строфе внезапно зазвучала печальная нота, диссонирующая со светлой тональностью всего стихотворения. Это неслучайно: религиозный обычай предписывает во время свадьбы, новоселья и других торжеств – вспоминать о разрушении Иерусалимского Храма, дабы веселье не было полным, и поэт следует этому предписанию. На свадьбах о разрушении Храма напоминает разбитая рюмка, на новоселье – кусок нештукатуренной стены и т.п.

² *Гранаты в ладонях сожму* – в еврейской поэзии сравнение женской груди с гранатами и яблоками стало традиционным.

³ Импровизация, написанная поэтом, когда он проходил мимо реки, на берегу которой девушки стирали белье. "Офра" – молодая газель – в средневековой еврейской поэзии – имя нарицательное для обозначения молодой красивой девушки.

⁴ Из цикла стихов, посвященных неизвестным лицам.

⁵ *Прикрыта волос золотой фатой* – красавица, о которой

идет речь, – светловолосая, может быть, даже рыжая, что не соответствовало эстетическому идеалу красоты средневековых еврейских поэтов, воспевавших обычно жгучих брюнеток.

⁶ *Саронской лилией в ответ* – Суламифь из "Песни Песней" называет себя Саронской лилией. С тех пор это словосочетание стало синонимом прекрасной женщины.

⁷ *Тебе не нужно украшений* – заключительные строки стихотворения написаны по-арабски.

⁸ В древнесврейской поэзии лань, как и газель – синоним прекрасной девушки. В притчах Соломона (5:18, 19) читаем: "Пусть будет благословен твой источник, и радуйся жене юности твоей – любезной лани и серне, полной красоты..."

⁹ *За кровь мою кто взыщет вено?* – вено – выкуп за невесту, выплачиваемый женихом, а также приданое невесты. В данном контексте – выкуп, вира (штраф) за убийство.

¹⁰ *Сказала ты: "Мой милый, знай..."* – заключительные строки этого стихотворения написаны на смеси арабского с испанским, бытовавшей в разговорной речи.

¹¹ *Рыжевласая, чья стать* – видимо, это стихотворение, как и "Красавица ночью меня посетила", посвящено одной и той же девушке: и там, и здесь, вопреки поэтической традиции, воспевается светловолосая красotka.

¹² *Двум яблокам ее хвала!* – см. комментарий 2 этого раздела.

¹³ *Ушла...* – стихотворение осталось незаконченным, так как переписчик изъял заключительные строки. Известно лишь, что они содержали жалобу возлюбленной и были написаны на арабо-испанском просторечии.

¹⁴ Стихотворение относится к числу дружеских посланий неизвестным лицам.

¹⁵ *Забудем же печали* – заключительные строки написаны по-арабски.

¹⁶ *Целуй меня, целуй в уста* – заключительные строки написаны по-арабски.

¹⁷ Парафраз из книги Судей (14:6): "И он растерзал его (Самсон – льва – А.Б.), как козленка..."

¹⁸ Публикуется с небольшими сокращениями.

¹⁹ ...бубенчик веселый, / Пусть так же звенит с твоего мне подола – модницы носили платья с маленькими колокольчиками на подоле. См. также комментарий 3 раздела "К друзьям".

²⁰ И пусть я десницы и шуйцы лишусь – парафраз известного библейского изречения: "Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть я лишусь своей десницы...", (Псалмы, 137:5).

²¹ ...страсти снопы, / Склоняясь твои лобызают стопы – здесь использован образ, заимствованный из сновидения Иосифа Прекрасного (Бытие, гл.37). Ему приснилось, что он с братьями на поле вяжет снопы. Внезапно снопы братьев окружили сноп Иосифа и стали ему кланяться.

²² Два граната на ветке одной – см. комментарий 2 этого раздела.

²³ Я славлю Создателя мрака и света – цитата из утренней молитвы, в любовном контексте звучащая довольно смело и неожиданно.

²⁴ Это стихотворение полно образов из "Песни Песней", оригинально трансформированных поэтом. Уже первая строка – "Возлюбленный, в сад свой войди" – заимствована из "Песни Песней" (4:16): "Пусть придет возлюбленный в сад свой и вкушает его сладкие плоды". Повторяющиеся с небольшими вариациями третья и шестая строки каждой строфы – "на это пастбище рая" и "лилий цветы собирая" – парафраз 2-го стиха шестой главы "Песни Песней" – "Мой любимый спустился в сад свой, в цветники благовоний, чтобы пасти стада и собирать лилии".

²⁵ Дарю два граната – см. комментарий 2 этого раздела.

²⁶ В оригинале стихотворение построено так, что последняя строка каждой из шести строф является цитатой из Псалмов, "Песни Песней", Исаии и других библейских книг. С большей или меньшей полнотой этот принцип соблюден и в переводе. Так, например, третья строфа в переводе кончается слегка видоизмененной цитатой из Псалмов (45:9): "Все одежды твои – смирна, алоэ и кинамон".

²⁷ *День сочетания сына Денницы с прекрасной другой, / Яркой звездой* – “Сын Денницы” (Исаия, 14:12) – жених, а прекрасная звезда – невеста.

V. ПРИТЧИ МУДРОСТИ И НРАВСТВЕННОСТИ. НАСТАВЛЕНИЯ ДУШЕ

¹ Публикуется с сокращениями.

² *Воду из колодца собственного пей* – будь верен своей жене. Заимствовано из Притч Соломона (5:15): “Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодца”.

³ *Слишком короток день мой, трудам нет конца!* – парафраз известного изречения из книги “Поучения предков” (2:20): “День короток, дел невпроворот, а работники ленивы, хотя плата велика и хозяин торопит”. Изречение иносказательное: жизнь коротка, а успеть надо очень многое, люди же ленивы, хотя воздаяние за добрые дела велико, и Бог вознаграждает людей благами райской жизни.

⁴ Это стихотворение – ответ Иегуды Галеви на упрек одного из его друзей, что он совсем забросил поэзию и не создает ничего нового.

⁵ *Вернется разве лев на ту тропу, / Где стали бегать мелкие лисицы?* – здесь переключка со стихом из “Песни Песней” (2:15), где лисицы изображены вредителями полей и виноградников: “Ловите лисенят, маленьких лисичек, которые портят виноградники...” Эти строки переключаются также с известным изречением из “Поучения предков” (4:20): “Будь лучше хвостом льва, чем головой лисицы”.

⁶ *Копить буду знаний богатство: быть может, / Скорей моих недругов зависть изгложет!* – здесь использовано известное изречение из Экклесиаста (1:18): “Кто умножает знания, умножает огорчения”. Поэт вступает в спор с Экклесиастом, решив накапливать знания, огорчения же... адресовать своим недругам.

⁷ В оригинале – акростих. Начальные буквы нечетных строк образуют имя поэта – Иегуда. Поэт обращается к душе, все еще спящей “в лоне детства”, хотя уже наступает старость – “в черноту волос вплелись седины”.

⁸ *Мои деяния – страх воздаяния* – в оригинале – акrostих. Начальные буквы строф образуют имя поэта – Иегуда.

⁹ *Душа моя, вновь успокойся...* – см. комментарий 8 этого раздела. Первые две вступительные строки заимствованы из Псалмов (116:7), и все стихотворение написано в ритме этих двух строк.

¹⁰ *И коль не теперь, то когда, наконец* – здесь переключка с известным изречением мудреца Гиллеля (1 век до н.э.): "Если не я за себя – кто за меня? Но если я только за себя – что я значу? И если не сейчас, то когда же?"

¹¹ *Вернися, вернись в отчий дом, Суламифь* – любовь души к Богу уподобляется любви Суламифи из "Песни Песней" к царю Соломону.

¹² Акrostих. Начальные буквы строф образуют имя поэта – Иегуда.

¹³ В оригинале – акrostих: первые буквы нечетных строк образуют имя поэта – Иегуда.

¹⁴ *Град великих царей, освященный Давидом* – Иерусалим.

¹⁵ Стихотворение это вдохновлено известными строками из Иеремии (31:34, 35), где говорится, что еврейский народ перестанет существовать лишь тогда, когда нарушатся законы движения солнца, луны и звезд.

VI. В СТРАНЕ ФАРАОНОВ

¹ *Погляди: вот они, города и селенья, / Что Израиля в древности были владенья* – когда сыновья Иакова с их семьями впервые появились в Египте (при Иосифе Прекрасном), то, согласно Библии, им отвели область Гошен (Гесем), где они занимались скотоводством.

² *Косяки метя кровью в знак предупрежденья* – когда Бог, согласно библейскому рассказу, поразил всех первенцев земли египетской, первенцы израильские не пострадали, так как косяки их жилищ были помечены кровью агнцев, что служило предупреждением для ангела смерти, обходившего эти дома (Исход, гл.12).

³ *Бог явил тут свой облачно-огненный столп* – при Исходе евреев из Египта впереди колонн двигался днем облачный, а ночью огненный столп (Исход, гл.13).

⁴ *Тут союзников Божьих была колыбель* – имеются в виду вероучитель Моисей и его брат первосвященник Аарон, родившиеся в Египте.

⁵ Отрывок из большого стихотворения ответа Иегуды Галеви на письмо друга, проживавшего в Каире. Содержит красочное описание природы Египта, поразившей поэта своим богатством. Тематически отрывок не связан со стихотворным ответом, являясь как бы введением к нему, и в сборниках стихов Иегуды Галеви часто публикуется как самостоятельное стихотворение.

⁶ *...Два города древних – Рамсес и Питом* – "города для запасов" (Исход, 1:11), построенные, согласно Библии, поработанными израильтянами для египетского фараона.

⁷ *Как будто взрастила их дочь Бетуэла* – праматерь Ревекка (жена Исаака и мать Иакова).

VII. ЗАГАДКИ. ШУТКИ. ГИМНЫ ВИНУ

¹ Четыре первые загадки посвящены перу.

² *Так черная влечет его вода* – чернила.

³ *Оно сует в колодезь острый нос* – в чернильницу.

⁴ *Но если нет во рту его слюны* – чернил.

⁵ *Пять у него советников – пять слуг – пять пальцев.*

⁶ См. комментарий 1 этого раздела.

⁷ См. комментарий 4 этого раздела.

⁸ См. комментарий 1 этого раздела.

⁹ Дождевое облако.

¹⁰ Игла.

¹¹ Игра слов: если в слове "мечты" отбросить его первую часть "меч" – останется "ты". Это и есть ответ на вопрос. В

оригинале – та же игра слов, но достигнута специфическими средствами иврита.

¹² Из арабской надписи следует, что эта эпиграмма была написана, когда поэта забыли пригласить на праздничную трапезу, но он все же явился, однако, вскоре покинул этот дом.

¹³ Написано по случаю того, что, распрощавшись с Моше Ибн-Эзрой (см. комментарий 1, раздел "К друзьям"), поэт очутился в обществе малоинтересного собеседника: "Я плоды Эдема ныне обменял на лебеду".

¹⁴ В ответ человеку, приславшему поэту кувшин с вином.

¹⁵ *Бальзамом Гилеада...* – имеется в виду вино. Гилеад – гористая местность на западном берегу Иордана между озером Кинерет и Мертвым морем. Славилась своим плодородием, виноградниками и садами и, в особенности, зарослями целебного бальзама, который был предметом экспорта в Египет и другие страны древнего Востока.

¹⁶ *...Когда ему всего двадцать четыре?* – в оригинале – непередаваемая игра слов: "кад" – на иврите кувшин и в то же время сумма букв этого слова равна 24 (буквы еврейского алфавита имеют и цифровое значение). Поэту в ту пору было 24 года.

¹⁷ Библейские законы уделяют особое внимание пришельцам, сиротам, а также левитам (Числа, гл.3).

¹⁸ *...Человек один – / Сирота, левит, пришельцем тут живет* – поэт использует такую редкую ситуацию, когда в одном лице сочетаются трое – сирота, левит и пришелец.

עיריית חיפה
מזרבת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדשטיין - ספריה
מס. מלאי.....

415

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
"Божией милостью поэт" Иегуда Галеви	
Вступительная статья А. Белова	7

I. СИОНИДЫ

Узники Сиона	33
Сердце мое на Востоке	35
Врата Сиона	36
Иду я в Твои города и селенья	38
Гора Аварим, принимай привет!	39
Почувствовав к Земле Заветной тягу	40

II. МОРСКИЕ ПЕСНИ

Ты за юностью вспять устремись ли?	41
Ночь на море	43
Душа моя покорна Тебе и верна	44
Вам, братья и сестры	45
Западный ветер	46
Внемли, Господь, моей мольбе	47
Иль вновь потоп на мир обрушен	47
На корабле в бурю	48

III. К ДРУЗЬЯМ

Благовоние мирры иль запах плодов	51
Среди евреев Севильи	52
С тех пор, как друг мой отбыл	54
Муза песни	55
Щедрое око	56
Толковали мне века сыны мои сны	59
Это не дождь	60
Я дружбой клянусь	62

К возвращению из Арагона Шломо	
Ибн-Фарусалья	63
Земля, как младенец	64
Я предан тебе всей душой	67
Дни глупее не стали	67
Да не будет сегодня веселью конца	70
Что бояться мне людей	72
Совершенство красоты	72
Это что за сияние в доме моем?	73
На смерть друга	74

IV. ЛЮБОВЬ

Красавица, оправив ожерелье	76
Ты мирт, что в Эдеме расцвел	76
В день, когда сходятся в небе заря и луна	76
Горлинка в миртах	77
В тебя, газель моя, влюблен	77
Во славу измены твоей	78
О, если б на рассвете	78
Голубка над водой	79
Офра белье стирала	80
Обаянье лани и рычанье львицы	80
Красавица ночью меня посетила	80
Как солнце яркий, солнцем жарким	81
О, лань прелестная моя	82
Приветствую тебя, чей взор	84
Пленный бессердечной красавицей	85
Владычица, не осуди!	86
Сердце мое, как козленка, зарезали!	87
Как ты прекрасна!	88
Вино любви	89
Зачем обрекаешь	90
Юная лань	93
Возлюбленный, в сад свой войди	94
О моем вы спросите здоровье	95
Юности радость любви	96
Льнет к ангелу ангел	97

V. ПРИТЧИ МУДРОСТИ И НРАВСТВЕННОСТИ. НАСТАВЛЕНИЯ ДУШЕ

Если эта жизнь тебе всего дороже	99
Посмотрите, люди совести и чести	102
Что доверить неверному веку?	102
Раз ключ поэзии стал грязен, замутнен	103
Друзей люби от всей души	103
О, вы, что предались науке безделья	103
В лоне детства спящая, очнись!	103
Мои деяния – страх воздаяния	104
Душа моя, вновь успокойся	104
Молитва	105
Был ты радостью мира	106
Сиянье Твое все окрестности храма пугало	107
Солнце и луна – вселенной служат вечно	107

VI. В СТРАНЕ ФАРАОНОВ

Погляди: вот они города и селенья	108
Вот время, сняв темной тревоги одежды	108
С бряцанием лютней пленительнострунных	109

VII. ЗАГАДКИ. ШУТКИ. ГИМНЫ ВИНУ

Вот тростника короткое звено (перо)	111
Кто на любой вопрос найдет ответ? (перо)	112
А что за птичка... (перо)	112
Оно легко, узко (перо)	112
Кто плачет	112
Кто тот слепец	113
Ответ красавице	113
Меня легко избавила рука	113
Не приглашен, лишь искушен	113
Когда я вижу наглого глупца	114
Горек совести упрек	114
Гимны вину	114
Вот друга дом	115
А. Белов. Комментарии	117

JUDAH HALEVY
MY HEART IS IN THE EAST
Selected poems

*

יהודה הלוי
לבי במזרח
שירים נבחרים

Типография "КАРИВ"
Тель-Авив, ул. Амикцоа, 7

**ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ
1976—1977**

Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ. Повесть. Пер. с иврита. 253 стр. 1976 г.

Автор книги Шломо Цемах (1886) переносит читателя к началу движения за возрождение Эрец Исраэль, участником которого был он сам. Под пером мастера оживают первые борцы за возрождение с их горестями и приключениями, с их духом молодости, которым проникнуты все их начинания.

Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ. Сборник статей. Пер. с иврита.

Автор этого сборника статей, очерков, воспоминаний Шаул Авигур – один из старейших членов кибуца Киннерет. Он – один из организаторов подпольной Хаганы, предшественницы Армии Обороны Израиля. В разное время руководил “нелегальной” иммиграцией евреев из европейских и арабских стран в Эрец Исраэль. Участник героической обороны Тель-Хая в 1920 г. Один из главных помощников Д. Бен-Гуриона в 1949 г. Материал, вошедший в книгу, правдиво рисует “государство в пути”, строящее свои вооруженные силы в тяжелейших условиях. В ней читатель найдет живые портреты тех, кто заложил фундамент нашей армии.

Рейзл (Ружка) Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ. Пер. с иврита.

Документальная повесть об одной из величайших драм в истории еврейского народа. Автор книги – член Боевой Еврейской Организации в Вильнюсе – повествует о Вильнюсском гетто в его борьбе и падении, а также о еврейских партизанах в лесах Руднинки и Нарочи.

Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ. Роман. Пер. с иврита.

Роман “Возмужание” относится к ряду популярных произведений талантливого израильского писателя. В ходе увлекательного повествования убедительно рассказано о нравственном возмужании молодого воина, его любовных переживаниях и потрясении, испытанном при встрече с чудом уцелевшими еврейскими беженцами, бывшими узниками гетто и фашистских лагерей.

Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ. Пер. с иврита.

В основу книги "Битва за Иерусалим" легли интервью и беседы, проведенные автором с участниками боев за город в период Шестидневной войны (1967).

Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ. Роман. Пер. с иврита.

Автор книги Моше Шамир (1921) известен как прозаик и драматург, повествующий о современной израильской жизни. Роман "Он шел по полям" повествует о жизни молодежи в Эрец Исраэль в период Палмаха (1947–48). На сюжет этого романа М. Шамир создал пьесу и сценарий для кинофильма.

Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК. Роман. Пер. с английского.

Автор книги "Помощник" – Бернард Маламуд (1914) рассказывает в своих произведениях в основном об американских евреях. Здесь он не только великолепный бытописатель, но и психолог, и социолог, и философ, открывающий новые стороны действительности. Литературная известность пришла к нему только в 1957 году, после выхода в свет романа "Помощник", ставшего бестселлером.

Д-р Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ. Пер. с иврита.

История сионизма в России не нашла до сих пор достойного отражения в работах израильских историков. Этот пробел заполнил автор книги И. Маор в своем объемистом труде. В переводе на русский язык книга приобретает особое значение для читателя, недостаточно владеющего ивритом.

МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ. Сборник воспоминаний.

Большая алия семидесятых годов из Советского Союза явилась поворотом в истории советского еврейства. Неповторимые судьбы репатриантов описаны авторами очень интересно. Эти очерки были представлены на конкурс, объявленный Центром документации по исследованию восточно-европейского еврейства при Иерусалимском университете. Они дополняют картину истории последних поколений советского еврейства. В настоящем сборнике представлены работы авторов-олим, получившие первые три премии.

СТАТЬИ О ИУДАИЗМЕ. Сборник. Пер. с английского и немецкого.

Содержание:

И. Ф. Бэр. Галут.

И. Кауфман. Библейская эпоха.

Л. Финкельштейн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь.

Моше Гесс. ИЗБРАННОЕ. Пер. с немецкого.

В связи с исполнившейся в 1975 году столетней годовщиной со дня смерти М. Гесса (1812–1875) издается сборник избранных произведений и писем этого немецко-еврейского мыслителя, одного из предшественников идеологии современного сионизма. Это издание призвано дать общее представление о духовном наследии М. Гесса.

ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ. Мемуары. Пер. с иврита.

Друзья и боевые товарищи Джимми, горячо любившие своего командира, в своих беседах часто вспоминали Джимми-подростка и Джимми-солдата. Из этих непринужденных рассказов-воспоминаний и родилась книга "Друзья рассказывают о Джимми". Это одна из самых популярных израильских книг мемуарного жанра того времени.

Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН. Роман. Пер. с английского.

Роман Г. Рота "Наверно это сон" – одно из произведений обширной американско-еврейской литературы периода 30-х годов нашего столетия. Жизнь евреев-иммигрантов в Нью-Йорке увидена глазами ребенка, зоркими, пронзительными и удивленными.

КТО Я. Сборник: воспоминания и высказывания, художественные произведения по материалам Еврейского Самиздата.

В первой части сборника содержатся воспоминания советских евреев разных поколений, пришедших различными путями к осознанию своей принадлежности к еврейскому народу. Вторая часть посвящена процессу ассимиляции евреев в русской культуре и краху иллюзий о возможности

интеграции в советском обществе. В третьей части собраны высказывания представителей нового поколения советского еврейства, избравших сионистское мировоззрение.

Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. Пер. с иврита и немецкого.

Мартин Бубер (1878–1965) – философ, религиозный мыслитель и теоретик сионизма.

Содержание: Хасидские рассказы; Три речи о иудаизме; Статьи; Два типа веры.

Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. 2 книги. Пер. с иврита.

Книга представляет сокращенный вариант многотомного труда "История Хаганы". Вместе с автором читатель проделывает нелегкий путь с момента создания подпольной боевой организации Хаганы, основанной еврейским ишувом в двадцатые годы на базе Хашомера и других оборонительных организаций. Хагана является предшественницей Армии Оборона Израиля и сыграла большую роль в борьбе с английскими мандатными властями, в организации "незаконной" алии, в подготовке военных кадров и создании тайных арсеналов оружия, без чего невозможно было бы провозглашение Государства Израиль в мае 1948 года.

- 1—2. Леон Юрис: ЭКСОДУС
3. Д-р А. И. Кауфман: ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит: ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав: НАПЕРЕГОНКИ
СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин: ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод: РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ
(Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель: ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ: Еврейские мотивы
в русской поэзии
11. Натан Альтерман: СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский: СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль: ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам: ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед: ХЕДВА И Я
16. Яков Цур: И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль: ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. Стихи советского еврея: ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ
19. Говард Фаст: МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский: РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА
И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон: ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер: УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш: ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)
25. Ш. Й. Агнон: ИДО И ЭЙНАМ
Рассказы, повести, главы из романов
26. Элизер Смоли: ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский: СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2
30. А. Итай и М. Нейштат: ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург: ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С. Г. Фруг: СТИХИ И ПРОЗА
33. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ

יהודה הלוי
לבי במזרח